

Мария Морарилова

ИМАМ ШАМИЛЬ

Книга третья

Мариам Ибрагимова. Собрание сочинений в 15 томах. Том

Мариам Ибрагимова

Имам Шамиль. Книга третья

ТД "Белый город"

1991

УДК 821.161.1-311.6 Ибрагимова
ББК 84 (Рос-Лак) 7

Ибрагимова М. И.

Имам Шамиль. Книга третья / М. И. Ибрагимова — ТД "Белый город", 1991 — (Мариам Ибрагимова. Собрание сочинений в 15 томах. Том)

ISBN 978-5-906727-00-8

Книга о легендарном имаме Дагестана и Чечни. Долгие годы Мариам посвятила изучению документов, касающихся героических и трагических страниц Кавказской войны, жизни-борьбы Имама Шамиля. Роман показывает единение Кавказа и России — как историческую неизбежность; отношения между людьми, обречёнными убивать друг друга и страстно протестующими против этой обречённости; великие моменты просветления, когда обе стороны проникаются трагическим осознанием того, что творят.

УДК 821.161.1-311.6 Ибрагимова
ББК 84 (Рос-Лак) 7

ISBN 978-5-906727-00-8

© Ибрагимова М. И., 1991
© ТД "Белый город", 1991

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мариам Ибрагимова

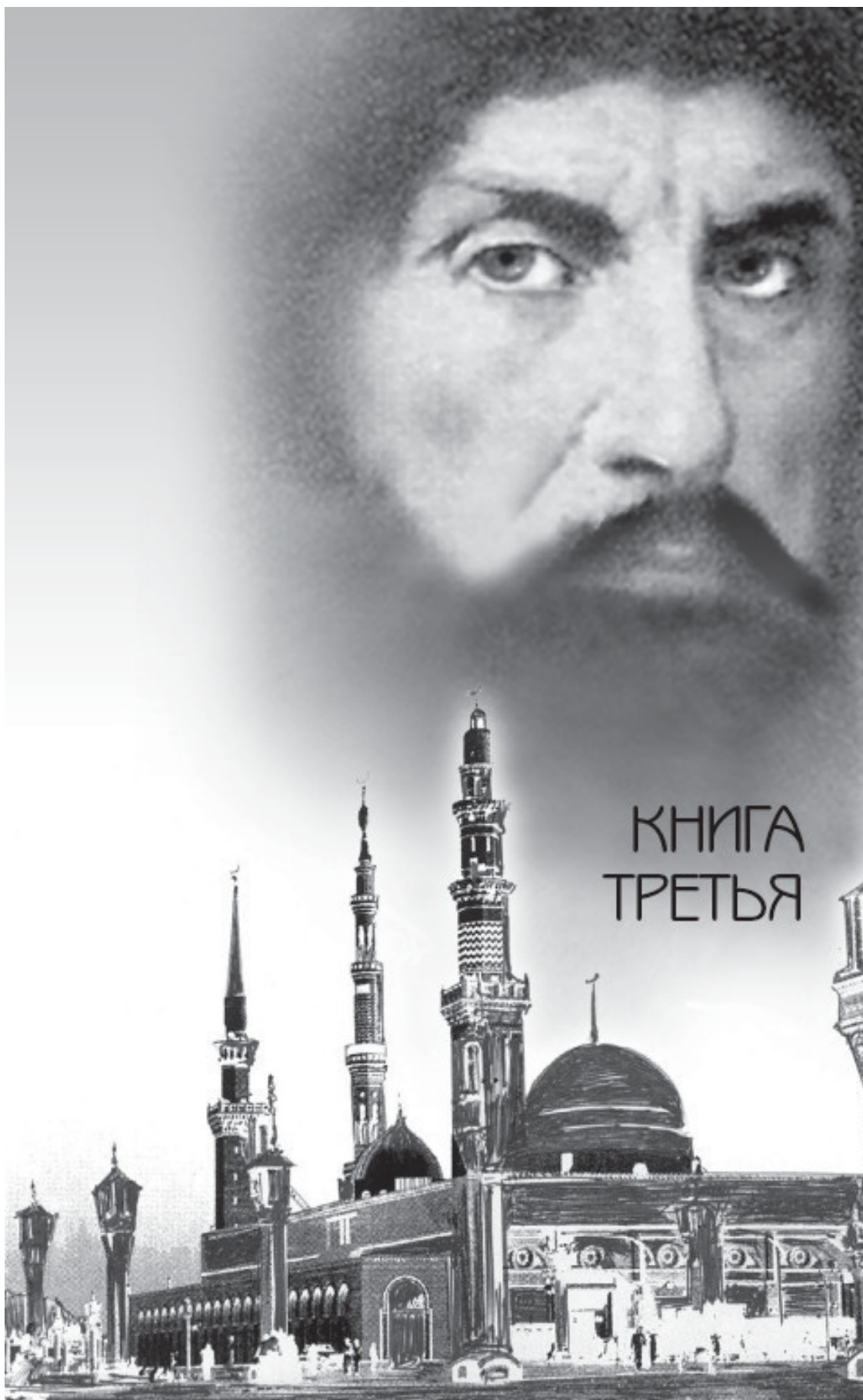
Имам Шамиль. Книга третья

Благотворительный фонд имени Мариам Ибрагимовой

Собрание сочинений в пятнадцати томах
Том 4

Авторский проект Рустама ИБРАГИМОВА

Глава первая

За успешные действия при взятии Сайтов и Гергебиля высочайшим указом генерал-лейтенант князь Моисей Захарье-вич Аргутинский был удостоен звания генерал-адъютанта. Ему было вверено командование войсками и управление гражданской частью всего Дагестана и Прикаспийского края, куда входили Дербентская и Кубинская губернии, Самурский округ, Даргинские общества, Кюринское и Казикумухское ханства, шамхальство Тарковское и ханство Мехтулинское. Полковнику князю Барятинскому – командиру Кабардинского полка – за осаду и штурм Гергебиля было присвоено звание генерал-майора с назначением в свиту Его Величества.

Командующий войсками Дагестана генерал-адъютант Аргутинский приступил к возведению линии новых укреплений возле аулов Ишкарты, Аймаки, Хаджал-Махи и Цудахара. Одновременно в Чечне по приказу Воронцова царские войска стали прокладывать дороги, рубить просеки, выжигать леса, вести осадные работы вокруг укрепленных аулов. Угадывалось направление деятельности от Шуры к новой резиденции Шамиля.

Имам созвал чеченских и аварских наибов с отрядами и, несмотря на глубокую осень, начал военные действия против объединенных сил генерала Фрейтага, которые были составлены из грозненского гарнизона, квартировавшего в Чир-Юрте, драгунского Нижегородского полка и частей укрепления Евгеньевское. Но наступившие холода со снегопадом вынудили Шамиля ограничиться набегами небольших отрядов мюридов на солдат, работавших в лесу. Только ранней весной, собрав многочисленное регулярное войско, имам повел решительное наступление на Чеченскую линию.

На помощь Фрейтагу были брошены части Кюринского и Апшеронского пехотных полков, квартировавших в Темирханшуринском урочище. У аула Шали произошло крупное сражение. С большими потерями русским пришлось отступить. Не меньшие потери оказались и в войсках имама. Погиб старый преданный наиб из Уруты генерал Муртада-Али. Здесь же, в гуще горячей схватки, пал каратинский наиб Турач.

Шамиль вернулся в Ведено и созвал совет, на котором должны были назвать имя нового наиба Караты. Чохский учёный Муса-Хаджи сказал:

– Дереву соответствует плод, орлу – птенец. Несмотря на то что сын имама Гази-Магомед слишком молод, он чуть ли не с двенадцати лет следует в седле за отцом и за последние годы не раз показал смелость и смекалку в схватках с врагами.

– Ему исполнилось недавно восемнадцать лет. Он неопытен в делах правления и недостаточно учён для возвышения над народом, – возразил Шамиль.

Тогда устак Джамалуддин-Гусейн поднял голову, провёл рукой по седой бороде и, глянув в упор на своего зятя, произнёс по-арабски:

– Жизнь от колыбели до могилы есть наука, не возражай.

Гази-Магомед был назначен наибом Караты. Во время заседания в диван-хану вошёл охранник, который доложил о прибытии народных представителей из Хайтагского и Табасаранского вилаетов во главе с кадием Исмаилом.

Отложив нерешённые вопросы, Шамиль предоставил слово гостям.

Кадий Исмаил, прочитав благодарственную молитву Аллаху, способствовавшему желанной встрече с имамом и его сподвижниками, сказал:

– Люди нашего вилаета просят во имя Аллаха взять их под ваше покровительство, назначить наиба для установления шариата и создания регулярной армии, которая, примкнув к силам имама, пойдёт по пути газавата. И мы, рабы Божии, присоединяемся в своём желании и мечте к просьбе нашего народа.

– Слава Аллаху, указующему истинные пути. Я готов удовлетворить просьбу достойных кайтагцев и табасаранцев, которые со времён светлейшего шейха Ярагского всячески способствовали упрочению шариата в своих обществах и оставались неизменными сторонниками в бранных делах. Не сомневаюсь в том, что члены этого меджлиса будут согласны со мной, – ответил Шамиль.

– Согласны, согласны, – раздались голоса.

Когда уехали посланцы кайтагцев и табасаранцев, Шамиль пошёл в свою библиотеку, велел управляющему делами Хаджияву позвать сына Гази-Магомеда.

Высокий юноша, с широкими угловатыми плечами, короткой шеей, на которую была посажена большая голова, открыв дверь библиотеки, остановился перед Шамилем.

– Отец, ты звал меня? – спросил он, близоруко щуря небольшие карие глаза.

Шамиль внимательно оглядел сына с ног до головы, как будто видел впервые. Остановив взгляд на смуглом скуластом лице со следами перенесённой оспы, он подумал: «Не дал Аллах ему внешней красоты, но зато украсил мужеством, которое начертано на всём облике».

Видя, что сын, вытянувшись, как нукер, продолжает стоять у дверей, Шамиль сказал:

– Подойди сюда, садись.

Не меняя спокойно-строгого выражения лица, юноша сел рядом с отцом.

– Сын мой, тебе сообщили о решении меджлиса?

– Да, отец, мне сказал Мухаммед-Тахир.

– А как ты сам смотришь на это?

– Я буду смотреть так, как ты прикажешь.

Шамилю понравился ответ сына. Он сделал кивок головой в знак одобрения. Помолчав с минуту, имам сказал:

– Я знаю, среди наших людей, даже тех, кто внешне согласился с назначением тебя правителем Каратлянского общества, найдутся внутренне недовольные, и не без основания. Многие юноши подобны жеребяткам, которые, будучи выпущены из конюшни, задрвав хвосты, сломя голову носятся по полю, порой не замечая перед собой пропасти. Тебе дают волю не потому, что ты храбрее, умнее, достойнее других, нет, а потому, что уздечка, наброшенная на твою шею, будет в моих руках. Я уверен, что ты не сбросишь её, не будешь брыкаться, как непокорный жеребёнок. Ты понесёшь непомерную ношу. Не об этом речь. Меня беспокоит другое... – Шамиль задумался, не зная, с чего начать разговор, к которому готовился, как учитель к первому уроку.

Гази-Магомед смотрел на отца.

– Сын мой, ты ещё не знаешь людей. Нет науки, кроме жизненного опыта, помогающего познать их.

Трудно удерживать народ в повиновении, особенно тех, кто не способен глубоко мыслить, не поддаётся внушению, не подчиняется законам или придерживается их до поры до времени. Таких можно удержать страхом, но опять-таки до тех пор, пока этот страх будет зависеть от тебя. Но даже среди людей, одарённых мышлением, встречаются робкие душой, лицемерные, способные на измену, предательство, заговор. Многие склонятся в сторону стоящего у власти из-за личной выгоды. Но отворачиваются от главы, когда он в беде, легко переходят на сторону сильного или победителя. Человек, как природа, от рождения до старости постоянно меняется, приобретая определённые черты соответственно возрасту. Такие же изменения происходят в душе и разуме. Многие от природы злы и завистливы, а некоторым свойственна и жестокость. Но несмотря на все эти людские пороки, есть три пути к достижению уважения и признания. Первый – это путь правды. Справедливость и честность, проявленная даже по отношению к врагу, заставляет последнего преклониться, если он наделён даром мышления. В правде надо быть стойким, как эти горы, – Шамиль показал на панораму зубчатой гряды, виднеющейся в окне. – Справедливый не должен уподобляться траве, трепещущей и склоняющейся в ту сторону, куда подует ветер. Властитель должен быть немногословен, но красноречив. Красноречивый восхищает произвольностью и красотой слов.

Второй путь – добра и щедрости. Всякий разумный должен устремляться к добру, отгоняя вред. Скупость не прощается Аллахом состоятельному.

Третий путь – любовь к ближним. Устами Пророка сказано: «Люби ближних. Храни верность родственникам, если даже они причиняют тебе горе».

Сложна и многогранна деятельность правителя. Он должен всё и всех знать, не открывая себя до конца. Правящий должен избегать общества бесчестных и глупцов. С первыми он должен быть жесток, ко вторым – снисходителен...

– Отец, остановись! – воскликнул Гази-Магомед. – Твои слова подобны святым заповедям. Боюсь, что я не запомню всё сразу. Каждое из этих мудрых изречений произноси в отдельности при встрече со мной, чтобы я мог заучить их на всю жизнь.

Узнав от лазутчиков, что войска генерала Аргутинского вместе с апшеронцами и кюринцами находятся на месте летней стоянки-на высотах Турчи-Дага – и не намерены предпринять каких-либо действий, Шамиль с отрядами аварских наибов занял позицию на горе Руги, чтобы отвлечь внимание Аргутинского. Три тысячи мюридов во главе с Омаром Салтинским имам направил через горы в Хайдак и Табасаран. Но салатавский наиб, испугавшись хаджалмахинского гарнизона, вернулся обратно. Возмущённый имам, собрав всех командиров тысячных, пятисотенных и сотенных и публично пристыдив Омара, дал ему отставку.

– Кто хочет показать свою удаль и умение, пройти к цели через все преграды? – спросил имам, обратившись к командирам.

Первым сделал шаг вперёд Хаджи-Мурад. За ним последовали и другие наибы. Но Шамиль, обратившись к первому, спросил:

– Сколько сабель выделить тебе?

– Пятьсот, – ответил Хаджи-Мурад, не задумываясь, и добавил: – Только выбирать воинов буду сам.

– Благословляю, бери тысячу, – ответил имам.

Хаджи-Мурад выбрал самых храбрых, самых отчаянных соплеменников, прославившихся при осаде Гергебиля и Салтов. Он повёл их вниз через земли даргинских обществ, а Шамиль двинулся вверх, в сторону Кази-Кумуха. По дороге к Хайдаку и Табасарану Хаджи-Мурад завернул в аул Бойнак. Жители не оказали ему сопротивления. Только Шахвали-хан – брат шамхала Тарковского, укрепив свой дом, отказался сдаться. Мюриды окружили имение

Шахвали-хана. В жестокой схватке хозяин был ранен и тут же скончался. Хаджи-Мурад взял в плен жену и детей Шахвалихана, дом разграбил и предал огню.

Когда Хаджи-Мурад с тысячным отрядом явился в Хайдак, старейший аула, выйдя навстречу, сказал:

– Храбрый из наибов, от имени жителей нашего селения прошу тебя освободить жену и детей Шахвали-хана. Ради них мы обещаем тебе склонить на сторону Шамиля брата пленницы Джамав-хана, человека уважаемого и влиятельного.

– Я не могу освободить эту женщину и её детей без согласия на то имама, – ответил Хаджи-Мурад.

Старейшие ушли недовольными. Хаджи-Мурад, оставив в Хайдаке сотню своих мюридов, отправился в Табасаран. Кадий Исмаил, до которого дошли слухи о самодурстве и жестокости, проявленных наибом Шамиля в Хайдаке, попробовал тоже вразумить Хаджи-Мурада.

Исмаил сказал:

– Хунзахский храбрец, запомни, ни один человек не может упрочить власть свою или тех, за кого он идёт, на злодеяниях. Твоё грубое обхождение с хайдаками – ничто по сравнению с тем, что ты говоришь...

– Я выполню волю имама, – ответил Хаджи-Мурад табасаранскому кадию.

– Люди наши просили имама прислать к нам наиба, способного установить шариат и порядок в стране.

– Я это делаю, – дерзко ответил Хаджи-Мурад.

Тогда Исмаил-кадий возмущённо сказал:

– Если ты бесчинство твоих мюридов считаешь формой установления порядка, то ошибаешься. Более того, ты возмущаешь народ тем, что возишь всюду за собой пленную жену и сына покойного бека. И еще, – понизив голос, продолжал кадий, – ходят слухи, что ты насильно склонил к сожительству несчастную пленницу, жену Шахвали-хана. Не достигнешь успеха подобными путями.

– Успех мне всегда обеспечивало моё оружие, – ответил Хаджи-Мурад, покидая Табасаран.

Ропот недовольства и возмущения разнесся по аулам Хайдака и Табасарана. Даже те, которые считались искренними сторонниками Шамиля, когда до их вилаетов дошли слухи о приближении донгуза Аргута, обрадовались в душе. Хаджи-Мурад и сам почувствовал, что население готово подняться против него, не говоря уж о том, что оно намерено создать ополчение.

Аргутинский, узнав о появлении Хаджи-Мурада с отрядом в Хайдако-Табасаране, разгадал манёвр Шамиля. Он оставил на Турчи-Даге пост, быстро спустился с Гамашинских высот. Пехоту с местными всадниками и конно-ракетной командой направил на Шамиля, а сам с кавалерией, пятью батальонами пехоты и дивизионом драгун через Чирах двинулся к вольному Табасарану. В окрестностях аула Куярых произошло столкновение противников. Многие из тех храбрецов, которых выбрал наиб, пали в схватке. Жена убитого Муслим-хана с детьми сумела скрыться. Небольшой отряд с самим хунзахским героем спрятался в горах с награбленным богатством, стадами угнанного скота хайдакцев и табасаранцев. Следуя за ним, Аргутинский поднялся вновь на Гамашинские высоты.

Узнав о событиях, происшедших в Хайдаке и Табасаране, Шамиль, оставив намерение двигаться дальше на юг, вернулся в Ведено.

Он был крайне возмущён, когда табасаранский кадий Исмаил, явившись в Новое Дарго, рассказал о бесчинствах Хаджи-Мурада в их вилаете. Шамиль приказал немедленно призвать к себе Хаджи-Мурада. Но Хаджи-Мурад, вернувшись в Хунзах со сподвижниками, в категорической форме отказался явиться к имаму. Вскоре до Шамиля дошли слухи о том, что Хаджи-

Мурад среди жителей аварской столицы стал порочить государственный строй имама, призывая их к непослушанию и неповиновению.

– Люди Хунзаха, – говорил он, – разве тот факт, что Шамиль назначил сына – юнца Гази-Магомеда – правителем, не является доказательством его абсолютной власти и желания сделать этого отпрыска своим наследником? Имамом Дагестана и Чечни должен стать тот, чей кинжал окажется острее, рука сильнее.

Шамиль вторично послал в Хунзах гонца с требованием вернуть жителям Хайдака и Табасарана угнанный скот. Хаджи-Мурад ответил:

– Только с помощью оружия смогут имам и другие взять у меня то, что я таким же путём взял у других.

Тогда Шамиль отправил Кебед-Магому, Даниель-бека и Умалата Ичкерийского со своими отрядами в Хунзах. Хаджи-Мурад собрал сторонников и направился с ними к аулу Батлаич, чтобы встретиться с аскерами Шамиля. На окраине селения произошла схватка. Хунзахцы и цельмесцы, убедившись, что им не устоять против превосходящих сил шамилевского отряда, начали незаметно уходить через верхние окраины. Заметив это, Даниель-бек приказал охватить аул кольцом, чтобы не дать уйти Хаджи-Мураду, засевшему в доме сельского старосты. Мюриды стали окружать дом. Вдруг Хаджи-Мурад появился на крыше. Рукава его черкески были высоко засучены, полы подоткнуты, папаха лихо сдвинута на затылок. Сверкнув большими, широко расставленными на скуластом лице глазами, он закричал:

– Эгей, храбрые уздени Чечни и Дагестана, а ну-ка попробуйте взять меня живым!

– Только живым надо брать его, – шепнул Даниель-бек Кебеду.

Мюридам было приказано не разрушать и не поджигать дом старосты, поскольку Хаджи-Мурад вошёл и заперся в нем самовольно. Оцепив двор, день и ночь просидели мюриды, на утро второго дня из Хунзаха и Цельмеса прибыли старейшие, почетные люди, которые выступили посредниками при переговорах наибов Шамиля с Хаджи-Мурадом. Они с трудом уговорили Хаджи-Мурада сдаться и поехать на суд меджлиса. Только на следующее утро Хаджи-Мурад приказал нукерам распахнуть ворота. Аскеры Шамиля хотели было кинуться на него, но он, подняв шашку, предупредил: «Не смейте подходить!» Мюриды остановились. Повернувшись к цельмесцам, стоящим позади, он крикнул: «Коня!» Затем, пронзив сощуренными глазами стоявших полукругом людей, медленно вложил клинок в ножны. Один из нукеров подвёл ему оседланного коня. Хаджи-Мурад, как кошка, вскочил в седло и, тронув скакуна, сказал: «Сопровождайте». Ичкерийский Умалат пошёл со своим отрядом впереди. Мюриды Кебеда, окружив Хаджи-Мурада, шли двумя колоннами по дороге. Отряд Даниель-бека замыкал шествие. Так двигались они до самого Ведено.

Шамиль распорядился поместить Хаджи-Мурада в гостиной под усиленной охраной, несмотря на то, что при дворе имелась тюрьма. Назначили день суда. Хаджи-Мурад предстал

перед судьями в форме полковника. Даниель-бек хотел сорвать с его плеча серебряный эполет и шестиконечную звезду, но имам не разрешил, ограничившись тем, что у взбунтовавшегося полковника отобрали оружие.

На суд в Новое Дарго в качестве свидетелей были вызваны почётные представители Хайдака и Табасарана вместе с кадием Исмаилом. Диван-хана как никогда была заполнена народом. В сопровождении конвоя быстрым, порывистым движением перешагнул Хаджи-Мурад порог зала судебного заседания. Словно загнанный тур, готовый боднуть настигшего врага, он исподлобья обвёл сидящих быстрым взглядом и остановился на Шамиле, который, как всегда, сидел между секретарем и главным кадием имамата – устатом Джамалудином-Гусейном.

С обвинительной речью выступил Даниель-бек. Он же зачитал свидетельские показания, которые подтвердили, повторив словесно, свидетели – хайдакцы и табасаранцы.

Хаджи-Мурад сказал:

– Всё, что здесь было сказано обо мне, есть правда. Не задумываясь, поступал так, а не иначе, зато я перед вами весь такой, как есть, а ты, господин генерал, бывший султан Элису, – он посмотрел на Даниель-бека, – был и остался плохим мусульманином.

– Ты будешь выступать с обвинением в мой адрес, когда я сяду на твоё место, – грубо оборвал его Даниель-бек.

Шамиль, подняв руку, остановил обоих. Когда в зале воцарилась тишина, он начал говорить, обратившись к своему недавнему соратнику:

– Меня тревожит то, что ты сознаёшься в совершенных преступлениях, не раскаиваясь, с самодовольным видом героя. Тяжесть совершённых тобой противозаконных деяний заключается не только в том, что ты постоянно присваиваешь себе две доли всей добычи, а в том, что без разбору грабишь и своих, и чужих. Являясь моим представителем в вилаетах Хайтага и Табасарана, ты мародёрством и насилием убил веру у людей, которые стремились к истинному шариату и к тому пути, по которому идут верные приверженцы ислама. Этот вред, принесённый тобой, гораздо хуже вреда, учинённого гяурами, и плохо, что ты не понимаешь, что действовал им на руку, восстанавливая народ против нас.

Все присутствовавшие с затаённым дыханием слушали Шамиля.

Никто не сомневался в том, что Хаджи-Мураду будет вынесен смертный приговор, особенно после того, как имам сказал:

– Умному человеку не вредят ни сан, приобретённый старанием, ни достигнутое положение с почестями, а глупцов они приводят к гибели.

Даниель-бек торжествующе посмотрел на Хаджи-Мурада.

Шамиль продолжил:

– Во многих делах можно обойтись без храбрости – одним умом, но ни в чём нельзя ограничиться одной храбростью, обойдясь без ума. Ты, Хаджи-Мурад, чрезмерно наделён первым качеством и обойдён вторым. Лишь потому я обращаюсь к меджлису с просьбой простить тебя.

Ропот пронёсся по ряду сидящих. Многие не любили кичливого, резкого хунзахца, который блестяще действовал кинжалом и кремнёвкой и ничему другому в жизни не научился. Не веря словам имама, Хаджи-Мурад насторожился.

– Пусть будет так, – услышал он слова некоторых членов меджлиса.

В глазах подсудимого засверкала молния торжества и гнева. Он обжёг взглядом Даниель-бека, затем сквозь узкую щель прищуренных глаз полоснул косо конвоиров, стоявших у дверей. Хунзахский герой резко повернулся и пошёл к выходу.

Около месяца без дела слонялся он по аулам Чечни, не находя приюта и покоя.

В один из дней к Шамилю приехал на взмыленной лошади житель Гехи-Мартана. Войдя в комнату, где сидел имам за молитвой, чеченец сказал:

– Хаджи-Мурад сжёг свой гехинский дом со всем имуществом и сбежал к русским в крепость Воздвиженскую. Мой кунак видел, как он подошел к трем солдатам, высланным в секрет к чахгиринским воротам.

Даниель-бек подтвердил слова чеченца:

– Он опередил меня, с тем же донесением и я спешил к тебе. Хунзахский разбойник успел ускользнуть из-под рук наших лазутчиков. В крепости Воздвиженской стоит Кюринский полк, которым командует флигель-адъютант Симон Воронцов, сын наместника.

– Теперь Аллах ему судья. Лишь от священного ока никому не скрыться. Человек, который делает хорошее, делает для себя, и тот, который творит плохое, тоже делает для себя. Посмотрим, куда он пойдёт от них, – сказал Шамиль.

Когда гехинец удалился, Даниель-бек повёл с имамом секретный разговор.

– Нет сомнения, – сказал он, – что этот разбойник не забрал с собой имеющиеся у него большие ценности. Взять он мог только то малое, что можно унести в карманах. Только при последнем набеге его на Бойнак в доме брата Тарковского шамхала Муслим-хана, говорят, он набрал полные хурджины серебра и золота.

– Спрятал, наверное, всё в надёжном месте. Бог с ним, никто ничего не уносит с собой, кроме савана, – махнув рукою, произнёс Шамиль.

Но Даниель-бек не унимался:

– Ни в хунзахском доме, ни в Гехи-Мартане не мог он спрятать ценности.

– Куда же тогда он их дел? – спросил имам.

– Зарыл в каком-нибудь погребе или конюшне в Цельмесе.

– Ну и пусть лежат там. Эти ценности не принесли счастья Шахвали-хану, привели к беде и этого отчаянного безумца, не принесут радости и нам.

– Я не предлагаю забрать их себе. Можно даже, не положив в госказну, раздать на нужды всех мечетей и содержание учащихся при мечетях.

– Попробуй поищи. Если найдёшь, так и сделай, – согласился Шамиль.

Наиб Даниель-бек, взяв в помощь с разрешения имама ичкерийского Умалата с отрядом, двинулся в Цельмес. Подойдя к селению, он послал сотню мюридов с приказом арестовать семью Хаджи-Мурада. В доме находились старушка-мать Залму, жена-чеченка Сану, дети. Испуганная Сану хотела унести с собой узелочек с ценностями, но мюриды вырвали его из рук женщины и повели всех к Даниель-беку. Наиб сам допросил жену Хаджи-Мурада.

Сану отвечала:

– Я не знаю, что и где спрятал мой муж. То, что принадлежало лично мне, отобрали твои бандиты. Но, если бы и знала, клянусь Аллахом, не сказала бы вам даже под угрозой беспощадной расправы.

Даниель-бек, скрывая своё восхищение под строгой маской дознавателя, не отрывая глаз смотрел на стройную и смелую красавицу Сану, прекрасный облик которой не изменили последние месяцы беременности. На белом лице её горел яркий румянец, платок и чутху сползли с головы и висели за спиной, удержавшись на длинных чёрных косах.

– Уведите, – приказал Даниель-бек.

– Не трогайте меня руками, я пойду сама, – сверкнув взглядом, полным ненависти, предупредила Сану. Её вместе с детьми и старушкой посадили в яму во дворе цельмесского старосты.

Даниель-бек лично присутствовал при поисках драгоценностей. Они были найдены в земле, в одном из углов конюшни. Разграбив дом Хаджи-Мурада, Даниель-бек покинул Цельмес.

Через год, когда Шамиль находился в шалинских окопах, сражаясь с подступающим к чеченскому аулу отрядом русских, к нему привели мальчика лет десяти, который, протянув сложенную вчетверо записку, сказал: «От Хаджи-Мурада».

Шамиль с удивлением, развернув бумагу, стал читать: «Шамилю Гимринскому от Хаджи-Мурада Хунзахского. После этого, если ты строго соблюдаешь и действуешь во имя Аллаха и справедливости, разреши тем, кто связан со мной законом, родством и кровью, прийти ко мне: матери моей Залму, жене Сану, сыновьям Гулла и Абдул-Кадыру, дочерям Баху, Бахтыке и Семис-ханум, Китилай».

Шамиль сказал Мухаммед-Тахиру: «Напиши». И стал диктовать:

«О, глупец! Поистину ты отступил от ислама. Иначе предпочел бы гибель себе и тем, кого хочешь увлечь за собой. Пусть они лучше умрут здесь, чем отпадут от истинной религии подобно тебе.

Имам Шамиль».

Вскоре до Шамиля дошли слухи о том, что Хаджи-Мурада отправили в крепость Чар, затем в Тифлис. Говорили, что он сторонился русских, отказывался от пищи. Из Тифлиса его отвезли в крепость Нуха. Здесь он поссорился с начальником гарнизона, которого вместе с охраной убил во время прогулки, и скрылся с четырьмя соплеменниками в лесу намереваясь бежать в сторону бывшего султанства Элисуйского. Но уйти ему не удалось. Недалеко от азербайджанского селения Кипчах на границе Кахского и Нухинского уездов Хаджи-Мурад был окружен и убит вместе с остальными беглецами.

Так окончил жизнь Хаджи-Мурад, однажды совершивший измену и не остановившийся на этом.

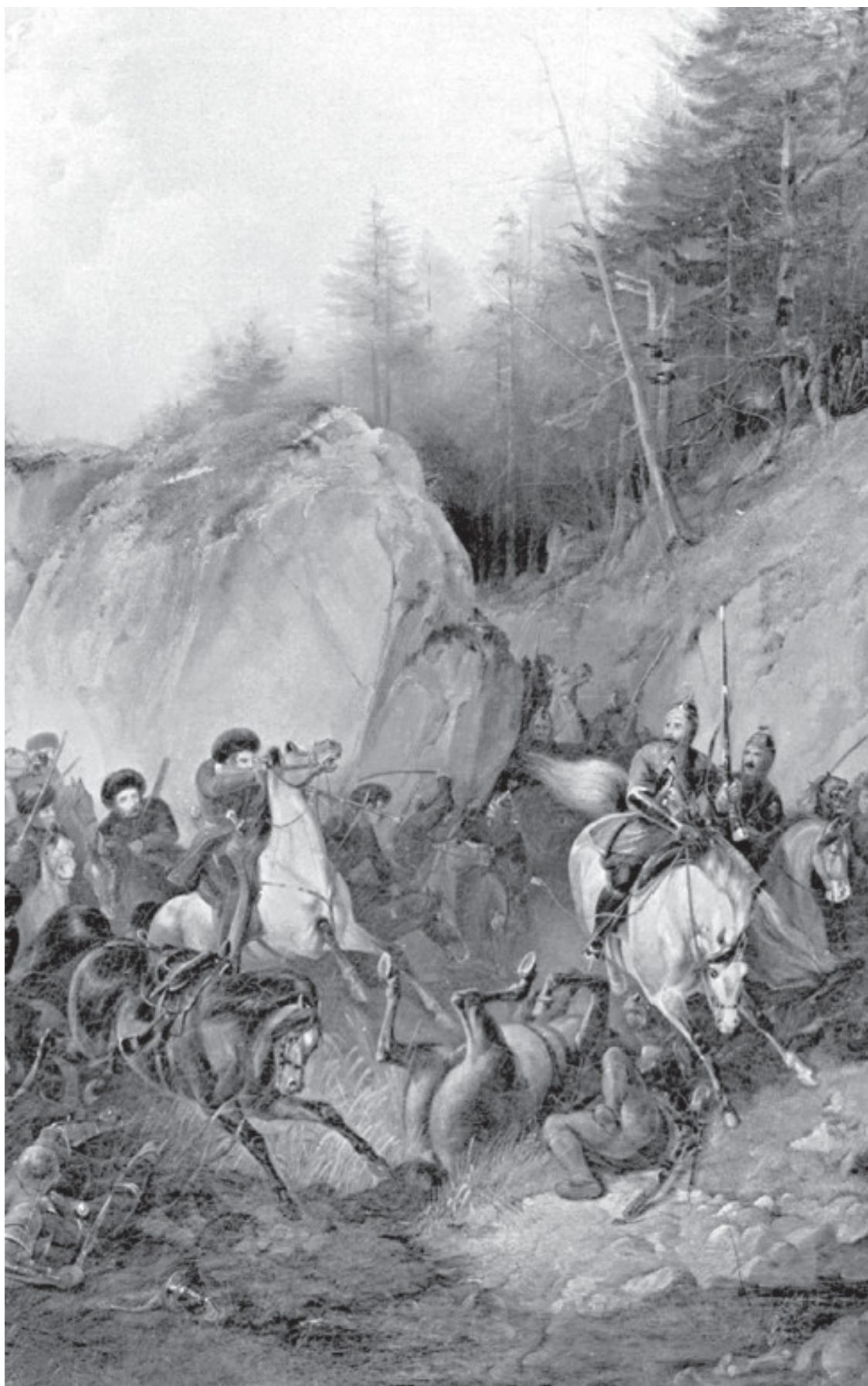
Представители хайдако-табасаранского народа, возвратившись из Нового Дарго, куда были вызваны как свидетели по делу Хаджи-Мурада, рассказали своим соплеменникам о суде и решении. Тогда хайдакцы с табасаранцами вновь обратились с письмом к Шамилю, в котором опять просили приобщить их вилает к имамату, назначить над ними достойного наиба. Видя, что Шамиль медлит, Исмаил-кадий Табасаранский вновь явился к тестю Шамиля устеду Джамалуддину-Гусейну. Учитель тариката пообещал посодействовать. Он в тот же день, вызвав к себе зятя, сказал:

– Хайдакцы и табасаранцы – люди истинной веры, чести и совести. Большой грех мы берём на душу не откликаясь должным образом на их просьбы.

– А разве ты не знаешь, что получилось в первый раз, когда я сразу откликнулся на их зов?

– Льва, который по собственной воле полез в железную клетку, нельзя было спускать с цепи, а цепь выпускать из рук. Ты знал Хаджи-Мурада, не надо было его посылать туда.

– Не думай, учитель, что я не нахожу человека, которому могу доверить этот вилает. Дело в том, что Хайдак и Табасаран на севере граничат с даргинцами, на юге – с лезгинами, на западе – с агулами, на востоке, в районе Дербента, – с азербайджанцами. Как тебе известно, во всех этих округах квартируют в старых, достаточно укреплённых аулах и крепостях регулярные войска Аргута. Ни один наиб с немногочисленным отрядом и местным ополчением не утвердится там.

– И всё-таки надо попытаться кого-нибудь послать. Я не сомневаюсь и уверен, если бы этот хунзахский разбойник, явившись туда, повел себя соответственно требованиям шариата, низама и долга, Аргуту не удалось бы так легко его выбить оттуда.

– Ты можешь порекомендовать человека, которому можно доверить должность наиба в Хайдаке и Табасаране?

– Могу, Бук-Мухаммеда Казикумухского. Как тебе известно, он человек учёный, из хорошей семьи, а главное – у него много добрых друзей и кунаков в лезгинских селениях, которые могут поддержать его.

Бук-Мухаммед – лакец, ученик шейха Мухаммеда Ярагского, пользовался большой известностью в аулах Южного Дагестана. Не так давно перешёл на службу к Шамилю преподавателем права в Веденском медресе. Устад Джамалуддин-Гусейн переговорил с Бук-Мухаммедом, тот дал согласие, и кандидатура его была утверждена решением меджлиса.

Собрав отряд, в основном из лакских, лезгинских и даргинских мухаджиров, Бук-Мухаммед двинулся к Хайдако-Табасарану. Жители этих обществ приняли посланцев Шамиля приветливо, окружили вниманием, стали помогать в деле утверждения шариата, организации войск.

Когда до Аргутинского дошёл слух об учреждении нового округа на юге Дагестана, он направил туда генерала Сусллова с отрядом. Были также разосланы приказы начальникам гарнизонов Дербента, Кубы, Ахты о выделении определенного количества личного состава и туземной милиции для наведения порядка среди обществ Хайдака и Табасарана.

Узнав о походе противника, Бук-Мухаммед укрепил подступы к аулу Шелахи. Объединённые отряды трех гарнизонов обошли все завалы и преграды, устроенные на дороге к селению, и атаковали аул. С возвышенной стороны без особых потерь они прорвали оборону и вошли в Шелахи. После короткого уличного боя местное ополчение разбежалось. Бук-Мухаммед с небольшим числом мюридов заперся в трёх прилегающих друг к другу домах. Солдаты с воинами туземной милиции, окружив дома, стали выбивать окна, двери, проламывать плоские крыши саклей. Мюриды не сдавались. Они разили каждого, кто осмеливался заглянуть в пробоину или отверстие. Только с наступлением темноты русские отошли, выставив караулы вокруг селения. Осаждённые решились на вылазку. Бук-Мухаммед вышел первым. Раздалась два выстрела. Бук-Мухаммед упал. Выскочившие вслед за наибом мюриды бросились на часовых. Несколько человек подбежало к раненому Бук-Мухаммеду. Положив наиба на бурку, они хотели унести его, но солдаты перерезали им путь. Опустив раненого на землю, оголив клинки, горцы бросились на солдат, но на помощь им подоспела милиция. Несколько мюридов были подняты на штыки. Лишь немногим удалось скрыться у жителей селения.

В ту же ночь Бук-Мухаммеда вместе с другими двумя ранеными мюридами на арбе отправили в Дербент. Русские врачи в Дербенте принимали все возможные меры к спасению шамилевского наиба, но раны оказались тяжёлыми – Бук-Мухаммед на третий день скончался.

В Ведено в доме имама справляли свадьбу. Сын Шамиля Гази-Магомед – молодой наиб Караты – женился на дочери Даниель-бека – красавице Каримат. В день, когда новобрачные выехали в Карату, до Шамиля дошёл слух о событиях в Хайдако-Табасаране и смерти Бук-Мухаммеда в Дербенте.

Имам в беседе с устатом и Даниель-беком сказал:

– Поистине мы уподобились козлам, которые, увидев болотную зелень севера, увлекают отару вниз, оставляя альпийские луга южных высот.

– Ты прав, имам. До сих пор мы почти не касались правого фланга Лезгинской кордонной линии и горных магалов Джаро-Белоканского округа, от которых до бывших владений моих предков рукой подать, – согласился Даниель-бек.

– Жаждешь увидеть родимый край? Ну что ж, теперь у тебя есть надёжный помощник, связанный узами родства, – наиб Караты. Бери его с отрядом, присоединяй к своим силам – и следуйте в сторону Ахтов, – предложил Шамиль.

Бывшему царскому генералу Даниель-беку не чужды были нравы высшего света. Не хотелось ему разлучать молодых в период медового месяца, потому он сказал Шамилю:

– Может быть, в этом походе обойдёмся без Гази-Магомед?

Шамиль с улыбкой ответил:

– Не думаешь ли, Даниель, теперь, когда мой сын стал зятем твоим, оберегать его от тягот походной жизни и бранных дел? Не забывай, что Гази-Магомед прежде всего воин – такой же, как и все остальные. Сладость меда ощущается острее, если его кушать не досыта.

Даниель-бек ничего не ответил.

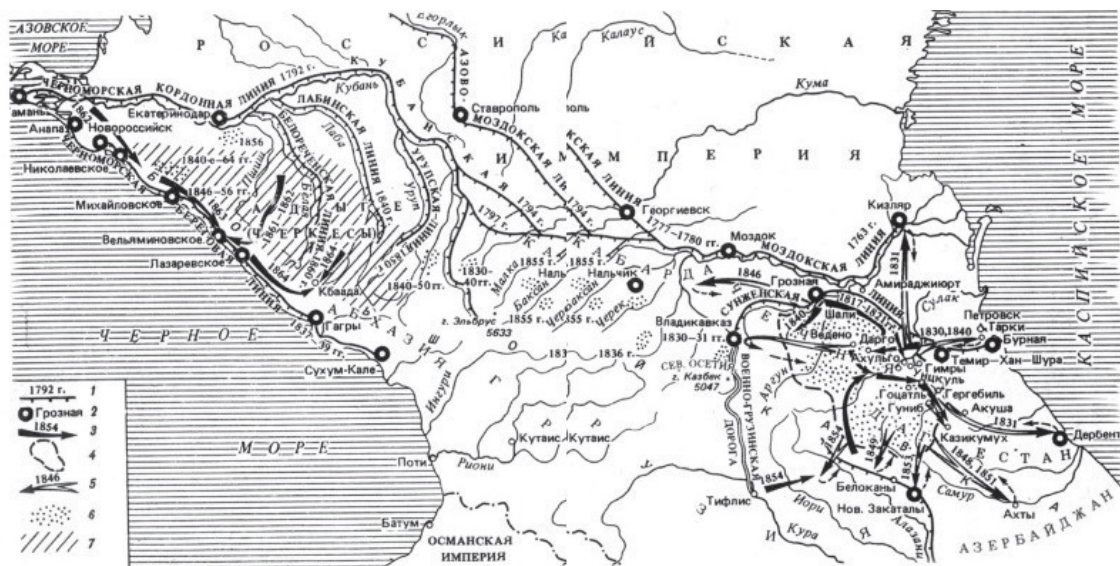
Через неделю наибы Харахи и Караты с объединёнными отрядами двинулись к югу Дагестана. Ахты – большой лезгинский аул. Стоит он на правом берегу Самура, у места впадения в реку притока Ахты-Чай.

В трех верстах от селения в 1839 году было заложено укрепление Ахтынское. Гарнизон состоял из пятисот нижних чинов, восемнадцати офицеров с семьями и прочим людом.

Даниель-бек с Гази-Магомедом с четырьмя пушками и другим снаряжением подошли и осадили крепость. К ним присоединились жители Ахты. Во время штурмов повстанцы бросались первыми, и чем больше росло число убитых из местных жителей, тем ожесточеннее были атаки.

Около двух недель длилась осада и повторялись приступ за приступом. Даниель-беку стало казаться невозможным сломить упорство осаждённых, несмотря на то, что в крепости было много раненых, начиная с начальника гарнизона полковника Рота. К несчастью осаждённых, удачным выстрелом из мортиры был взорван пороховой погреб. Раздался страшный грохот, потрясший окрестные горы. Огромные камни, куски глины, человеческие тела в густых клубах дыма и пыли взлетали в воздух. Когда всё рассеялось, мюриды увидели широкую брешь в одной из крепостных стен. Но мюриды Даниель-бека и Гази-Магомеда, испуганные и оглушённые гулом, не решились броситься в открытый проход. Лишь один андиец осмелился подойти к пролому, но был тут же сражён. Осаждённые, воспользовавшись замешательством противника, не растерялись и тут же загородили пролом. В это время к лагерю Даниель-бека подошёл Шамиль со своим отрядом. Со стороны крепости вновь грянули орудия. Шамиль приказал сделать подкоп под другую стену подложить порох и поджечь. Вновь раздался грохот обрушенной крепостной стены. Мюриды валом хлынули к расколовшейся стене. Часть осаждённых, в основном женщины, дети и раненые, укрылись в домах, офицеры и солдаты бросились навстречу мюридам со штыками и клинками.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

1 – Кавказские укрепленные линии и даты их основания. 2 – Крепости и укрепленные пункты. 3 – Основные направления действий царских войск. 4 – Территории Имамата в 40-х годах. 5 – Основные направления действий Гази-Магомеда и Шамиля. 6–7 – Народно-освободительные движения.

Гибель защитников крепости казалась неизбежной. Солдаты, отступая к домам, бились с отчаянием, не желая дешево отдавать жизнь врагу. И вдруг, заглушая шум кровавой схватки, чей-то громкий голос донёс до слуха сражающихся слова:

– Идёт Аргут!

Противники на миг оцепенели, одни – от радости, другие – от страха. И вот в минуту, когда победа казалась верной для одних, а гибель неминуемой для других, всё перевернулось. Мюриды стали пятиться назад, а воодушевлённые солдаты с удвоенной силой заработали штыками и саблями под восторженные возгласы победного «ура».

Действительно, командующий войсками Прикаспийского края генерал-адъютант Аргутинский быстро спускался от Чираха по направлению к войскам Шамиля. Русские артиллеристы, установив орудия на возвышенности возле дороги, открыли огонь по осаждавшим. Войска имама отступили к аулу. К великому удивлению Аргутинского и Шамиля, осаждённые солдаты, женщины и дети, выбежав из крепости, кинулись не к спасителям и не вслед за отступающим врагом, а в сторону, не обращая внимания ни на тех, ни на других.

– В чём дело, что это значит? – спросил Аргутинский, вынув длинный, давно погасший чубук изо рта. Это было единственным признаком волнения главнокомандующего, с сонливой физиономией и невозмутимым видом восседавшего на таком же толстом и приземистом коне, как сам.

– Ваше сиятельство, нет оснований для беспокойства, они бегут к воде, – сказал адъютант.

– Бедняги, значит, эти сукины сыны отрезали им воду. – Сказав это, Аргутинский вновь зажал чубук меж зубов и, прикрыв глаза, погрузился в дремоту.

Обратившись тылом к аулу, войска Шамиля остановились. Аргутинский тоже стал лагерем у подножия горы. Часть отряда, в основном кавалерию, он подвинул к крепости. Так стояли они два дня. На третий день к имаму явился посыльный, который сообщил, что мюридами наиба Эфенди Карахского, отправленного имамом для наблюдения за кубинской дорогой, обращён в бегство отряд, который должен был напасть на войска Шамиля.

Подхода кубинского гарнизона с фланга с нетерпением ждал Аргутинский. Командующий отряда, шедшего из Кубы, полковник Игреев на полпути от Ахтов сделал обеденный привал. Верховые кони были разнузданы, лошади обоза выпряжены и пущены на пастбище. Усталые солдаты кто купался в реке, кто уснул на зелёной лужайке. Мюриды, неожиданно выскочив с трёх сторон, напали на солдат Игреева. Началась резня. Побросав оружие, одежду и лошадей, солдаты в панике разбежались во все стороны. Сам полковник едва избежал плена. С богатой добычей боеприпасов и провианта, с большим количеством пленных Эфенди Карахский подошёл к лагерю имама. Так и не дождался Аргутинский условного пушечного выстрела – сигнала к наступлению на Шамиля с двух сторон.

– Теперь разреши пойти на него, – сказал Эфенди, указав рукой в сторону войск Аргутинского.

– Аллах в помощь! – ответил имам.

Оголив сабли и кинжалы, со свистом и гиканьем бросился конный отряд карахского наиба на позиции русских. Вслед за верховыми кинулись ополченцы. Женщины, дети, старики, взобравшись на крыши саклей, высоко подняв руки с зажатыми камнями, кинжалами, палками, потрясая ими, стали кричать. Их дикие крики, подхваченные громким эхом, наводили ужас на всех. Пехота Аргутинского попятилась к горе. Мюриды остановили коней у подножия. Кавалерия, отправленная к крепости, укрылась во дворе. Отряд Даниель-бека возобновил осаду крепости. Вновь назначенный начальник гарнизона капитан Смольников, выбрав несколько человек отступников-ахтынцев, велел им пробраться к аулу, чтоб усмирить жителей. Но они были схвачены мюридами ночью и отправлены в крепость Ырыб.

На заре следующего дня войска русских по приказу генерала Аргутинского вышли на равнину, расположенную недалеко от Ахтов, и стали строиться в ряды. Шамиль распорядился, чтобы то же самое сделали мюриды. Когда со стороны колонны русских послышалась команда сигнального рожка – «в бой!», Шамиль дал сигнал к атаке. Как буйные ветры понеслись навстречу друг другу всадники. Ударившись грудь о грудь, вздыбились, закружились смерчем

боевые кони. Зазвенела, залязгала булатная сталь. Замелькали огненные взоры, оскаленные зубы обезумевших воинов и коней. Но многоголосое «ура-а-а» с нарастающей силой извещало об успехах русских. Мюриды отступали от окраины аула в сторону ущелья. Жители Ахтов выходили к ним с кувшинами воды и молока. Ахтынские старухи, одетые во всё чёрное, стоя на крышах, поднимая руки к небесам, восклицали: «Яллах!»

С раннего утра до захода солнца длился бой. Усталые воины валились с ног. Отойдя к ущелью, через которое дорога вела в горы, Шамиль опустился на землю. Совершив молитву, сел на небольшой валун, склонив голову. Он не поднял глаз, когда к нему подошли Даниель-бек с Гази-Магомедом и стали перечислять имена павших. Но, когда сын сообщил ему, что в селении остался отряд ополченцев из числа жителей аулов, расположенных близ Ахты, чтобы захватить имущество погибших ахтынцев, Шамиль, бросив на сына гневный взгляд, сказал:

– Немедленно отправляйся с отрядом на тот конец дороги, куда должны пойти лезгинские ополченцы, не дай выйти из селения ни одному из тех, кто попытается вынести даже безделицу. Мы окажемся хуже нечестивцев, если не оценим искренней помощи и доброго отношения жителей Ахты, которые в отличие от некоторых наших соплеменников не ударили нам в спины в критические минуты, желая выслужиться перед теми, кто взял верх.

На следующее утро Даниель-бек по распоряжению Шамиля поехал к лагерю Аргутинского для переговоров в отношении обмена пленных и раненых. Командующий дал согласие обменять одного на одного, что и было сделано в тот же день. На исходе дня войска имама тронулись в сторону Аварской дороги. Аргутинский утром последовал за ними. Ночью, достигнув ближайшего перевала, Шамиль отделил от своих войск отряд Даниель-бека, дав ему мюридов и ополченцев телетлинского наиба Кебед-Магомы. Этот отряд пошёл вниз и скрылся в лесистом ущелье. Утром, когда Аргутинский следовал за имамом по дороге вверх, Даниель-бек повернул обратно на юг – к Джаро-Белоканам и Элису.

Шамиль перед выступлением в Ахты направил отряды Инкау-Хаджи и купца Мусы к Чоху. Когда Аргутинский снялся из Турчи-Дага и вместе с ополчением чохского ротмистра Ибрагима-Хаджи двинулся к Актам, Инкау-Хаджи занял Чох, а купец Муса – чохинское укрепление, малочисленный гарнизон которого бежал в Кази-Кумух. Оба наиба в ожидании отрядов имама приступили к возведению преград перед селением и крепостью.

Аргутинский продвигался к Чоху не спеша, расширяя тропы и дороги, особенно ведущие к чохскому укреплению. Когда Шамиль, достигнув Чохского вилаета, остановился на поле Хутиб, к нему прискакали связные от Мусы и Инкау и доложили: один из жителей Чоха, побывавший в Кази-Кумухе, узнал, что Аргут должен прийти в Чох.

– Мы знаем об этом, поскольку имели с ним столкновения и убедились, что он следует по пятам, – сказал имам. Затем спросил: – Все ли у вас готово для встречи с ним?

– Некоторые работы нами сделаны, – ответил посыльный.

Шамиль немедленно снялся с места. Подойдя к чохской крепости, он разделил своё войско на две части. Одну направил на позицию к горе Сугур, другую – к Али-Мамед. Между двумя этими горами и была расположена Чохская крепость. День и ночь работали воины имама, возводя земляные сооружения и завалы на подступах к этим горам и к крепости. Шамиль неустанно наблюдал за работой.

Когда появился авангард Аргутинского, Шамиль, расставив своих людей на позициях, пошёл с отрядом навстречу. Русские остановились, заняли одну из придорожных высот и стали ждать подхода огневых сил. Тогда Шамиль вернулся к своим позициям, поскольку не было смысла посылать людей к малодоступному узкому проходу, над которым засел противник и встречал сильным ружейным огнём пытавшихся приблизиться.

Соединившись с авангардом, Аргутинский стал на некотором расстоянии на холме, начал окапываться и строить гнёзда для пушек. На третий день его артиллерия открыла огонь по крепости во фронт. Пехота и кавалерия ударили во фланговые позиции гор Али-Мамед и Сугур.

Штурм обеих гор удался, мюриды на второй день были выбиты и отступили к Чоху. Аргутинский установил орудия на вершинах обеих гор и с двух сторон вёл огонь артиллерии на крепость.

Урон, наносимый осаждённым, был настолько сильным, что мюриды вынуждены были прятаться в пещерах, не отвечая на огонь противника. Башни, возвышавшиеся над стенами крепости, были разрушены. С каждым днём все больше и больше становилось трещин на мощных крепостных стенах, и с каждым днём становились они ниже. В одну из ночей Муса вместе со своим гарнизоном покинул крепость через потайные ходы и пришёл в Чох. Когда Инкау доложил имаму о том, что Муса явился, оставив крепость, Шамиль велел собрать всех наибов, вышел с ними к Мусе, который стоял на сельской площади со своими воинами, и, показав рукой в их сторону, сказал:

– Посмотрите на этих вояк. Они пришли с опущенными рогами. В них ослабла храбрость. А может быть, их покинуло мужество?

– Имам, может быть, мы достойны войлочных нашивок, но, клянусь Аллахом, иного выхода не было. Мы уподобились полевым мышам в стогу, который подожгли, – попытался оправдаться Муса.

Шамиль ответил:

– Истинно гяуры день и ночь работают над усилением своей мощи. Они держатся за законы и приказы, издаваемые проклятым царём, зубами, руками и ногами. А вы – только мизинцем и большим пальцем держитесь за учение Пророка. Клянусь Аллахом, я не оставлю чалмы ни на одной голове, если вы сейчас же не вернётесь в крепость. А ты, Муса, – Шамиль обратился к начальнику гарнизона, – не забывай, что в немирные дни становишься воином... Если так легко думаешь отдать крепость Аргуту, можешь потерять не только чалму, но и неплохую голову.

Наиб Муса вернулся в крепость. На помощь ему Шамиль послал своего сына Гази-Магомеда с мюридами. Они понесли с собой много брёвен и шерстяных мешков. К утру мешками, наполненными землей, и бревнами они заделали бреши и возвели новые преграды. И так день за днём мюриды, работая по ночам, восстанавливали разрушения, а Гази-Магомед со своими людьми, укрыв надёжно орудия, посылал ответный огонь в течение дня в сторону противника.

Аргутинский пробовал поджечь бревенчатые преграды зажигательными снарядами, но мюриды тушили их, поливая водой из пруда, устроенного внутри крепости. Тогда главнок-

мандующий бросил часть сил к источнику, который питал крепость. Но Шамиль, заметив их, послал отряд навстречу и заставил повернуть русских смельчаков обратно.

Месяц продолжались осада крепости и стычки между отдельными отрядами Шамиля и Аргутинского. В начале второго месяца осады дозорные сообщили имаму об исчезновении войск противника. Как оказалось, генералу Аргутинскому из Тифлиса, через горы Анцуха и Капучи, доставили приказ Воронцова – немедленно выступить на юг в сторону Джар и Белокан, присоединив к себе полк генерал-майора Сулова, квартировавшего в Шуре. В приказе говорилось, что из Алазани на Закатал, во фронт Даниель-беку, ударит генерал Григорий Дмитриевич Орбелиани.

Аргутинский был взбешён тем, что его так ловко провел Шамиль. Манёвром в сторону Чоха имам дал возможность Даниель-беку проникнуть в южные магалы Лезгинской кордонной линии, находившейся на границе с Грузией.

Из долины Самура в Джары и Белоканы через Главный Кавказский хребет вели две дороги. Одна, разработанная русскими, – Военно-Ахтынская, через Салават спускалась в Шипское ущелье, откуда до Закатал оставалось пять трудных переходов. Другая, пробитая горцами, была короче и выводила к Элису.

Ни тот, ни другой путь не избрал Аргутинский, поскольку оба давали большую круглую петлю, а Даниель-бек за это время мог дойти до Кахетии. Он решил идти напрямик, на Главный Кавказский хребет, и через Гудур-Даг спуститься к Закаталу. Аргутинский думал, что достаточно будет одного его появления для того, чтобы Даниель отказался от своих намерений.

– Давайте покажем Шамилю, его набам и мюридам, что русские могут пройти массой и там, где с большим трудом проходят горцы. То есть нанесём имаму и нравственный удар, – сказал Аргутинский на военном совете.

Избранный путь на запад поднимался на Дульты-Даг – один из высоких отрогов Главного хребта, а оттуда спускался к Кусуру. Хотя расстояние до Ихрех-ского ущелья, где располагался аул Кусур, небольшое, но, чтобы пройти его, нужно приложить немало усилий.

Отряд выступил на рассвете. Солдаты шли по склонам крутых кряжей, глубоким ущельям, местами засыпанным снегом, скользя по отвесным скалам. Впереди – проводники-горцы, составлявшие туземную милицию. Цепляясь за голый плитняк, они медленно передвигались, выбирая места поудобнее. За ними гуськом, ведя на поводу лошадей, – кавалерия. За конными следовали сапёры и рабочие команды от всех батальонов во главе с инженер-полковником Миллером. Сапёры и строители расчищали тропы на косогорах и крутых спусках для пехоты, артиллерии и вьючного обоза. Двигались иногда ползком над тёмными пропастями, нитью, держась друг за друга, то поднимаясь на вершины поднебесных кряжей, поражающих взоры заоблачным видом, вечными снегами ослепляющей белизны, то упираясь вытянутыми ногами в каждый уступ, скользили вниз, поддерживая друг друга и животных.

Это было в последние дни августа. Дождь, преследовавший от Кази-Кумуха до Дульты-Дага – первого отрога Главного хребта, – сменился густым молочно-белым туманом. Трудно было солдатам, но ещё труднее стало проводникам, которые на ощупь отыскивали дорогу. Неожиданно поднялся страшный ветер. Вихрь валил с ног усталых людей и лошадей. Но только у вершины Дульты-Дага туман стал рассеиваться. И к полудню, когда отряд достиг макушки горы, показалось чистое небо. Высота почти десять тысяч футов над уровнем моря.

Спуск был ещё труднее: съезжали с горы чуть ли не лёжа, на спине регулируя движение согнутыми ногами. И всё-таки отряд благополучно спустился в долину и расположился на ночлег в тихих ложбинах подножия.

На второй день предстоял подъём на Кутур-Даг, где не только о дорогах, но даже о тропках не могло быть речи. И опять солдаты двинулись ползком по узким карнизам отвесных склонов, по скользким скалам и осыпям. Только к полуночи спустились с Кутур-Дага, чтобы поспать несколько часов.

На третий день предстояло перевалить через последний отрог Главного хребта – Кусурский. Этот переход был самым тяжёлым. Подъём начался с рассвета. Он был настолько замедлен, что арьергард мог тронуться с места только в сумерках. Утро было пасмурное, с полудня пошёл густой мокрый снег. Он вначале падал хлопьями, затем превратился в мелкую крупу. А люди карабкались, скользя, падая и поднимаясь, всё выше и выше. И чем дальше шли они тем больше усиливался мороз. Холодным огнём он обжигал лица, руки, проникал сквозь одеревеневшие шинели и пронизывал насквозь потные солдатские тела. Арьергард лишь на заре третьего дня достиг бивака у разорённого аула Кусур.

Усталость подошедших тылов, непрекращающийся снегопад и усиливающийся мороз вынудил генерала Аргутинского сделать днёвку среди суровых безмолвных развалин Кусура. Это был седьмой день безостановочного движения от вершин Турчи-Дага. В развалинах аула солдаты отыскивали брёвна, разложили костры. Посиневшие от холода, со слезящимися глазами, люди теснились у огня, греясь. В первый раз в течение недельного похода по голым заснеженным вершинам они подкрепились жареным мясом. Хуже обстояло дело с лошадьми: не менее усталые и голодные, кроме горстей ячменя, ничего не ели, только прижимались друг к другу, с тупым безразличием обречённых на голодную смерть жевали друг у друга хвосты и гривы. Солдаты с грустью поглядывали на отвесную ледяную стену Главного хребта, поднимающуюся перед глазами, и крестились.

Аргутинский, кутаясь в андийскую бурку, часто искоса поглядывал, не поднимая тяжёлых, обмороженных век, на белую стену, упирающуюся в небо. Он знал, что эту последнюю стену не каждый сможет взять приступом. Потому решил разделить отряд надвое. Первый, составленный из батальона ширванцев, стрелковой роты, команды сапёров, дивизиона драгун с несколькими сотнями конного полка, сотней милиции, с четырьмя единорогами и двумя мортирами, взял с собой. Остальные силы оставил на месте с обозом и выюками.

Начался подъём. Густой снег продолжал валить беспрестанно. Наконец мир перед глазами людей превратился в густое сплошное белое месиво. В этой круговерти, в этом хаосе невозможно было ничего различить. Только заснеженные люди и кони своим замедленным подъёмом в гору нарушали однообразие.

– Мы сбились с пути, не можем указать дорогу! – крикнул один из проводников, шедших впереди.

Эхо подхватило этот крик и понесло по мёртвому царству снегов. Цепи движущихся колонн остановились. Молчали, тяжело дыша, солдаты, но нашлись такие, в основном горцы – милиционеры и всадники, которые стали шутить, скрывая тревогу.

– В Дагестане нет места, где бы не могли мы пройти, – говорил один.

– Пройдём, смерть не дождётся нас среди этих снегов! – шутил другой.

– Даже змея не проползет здесь, один лёд, снег да гранит, только на крыльях можно выбраться из этого плена, – с грустью сказал пожилой солдат.

– Эй, Газияв! Чует моё сердце, что только ты, бывший скалолаз имама, вырвешься отсюда, а потому завещаю тебе эту красивую плеть, на, бери, – сказал всадник на белом коне, обращаясь к длинноусому Газияву, горцу с соколиным взглядом.

– А я тебе завещаю серебряный кинжал и этот изящный пояс, – пошутил другой.

– Не лучше ли сделать так, чтобы ваши ценности ещё послужили вам? – спросил Газияв и добавил: – Ведь рядом со скалолазом идёт землепроходчик. Эй, Ганапи, где ты?

– Я здесь, – слышалось сверху, оттуда, где топтались проводники.

– Дорогу нашёл?

– Ищу...

– Эй, Ганапи, тебя зовёт генерал! – крикнул стоявший недалеко от Газиява офицер, адъютант Аргутинского.

– Иду! – Ганапи сел на зад и, съехав немного вниз, спросил: – Где командир?

– Я здесь, – послышался грубый басок.

Ганапи посмотрел в сторону и увидел закутанную в башлык до маленьких узких глаз голову главнокомандующего.

– Я слушаю, ваше благородие, – козырнул Ганапи.

– Ты знаешь дорогу? – спокойно спросил Аргутинский, глядя исподлобья.

– Когда-то знал, дважды ходил по этим тропам с шамилевскими отрядами в Закатал, – ответил Ганапи.

Аргутинский, показав рукой в одну, затем в другую сторону, произнёс:

– Впереди грозный, почти непроходимый Гудур-Даг, позади не менее тяжёлый и более длинный, заваленный снегом Дульты-Даг. Значит, поворота назад не будет. Если ты вполне уверен, что можешь провести отряд, веди.

– Когда прекратится снегопад и стихнет ветер, отыщу дорогу, – ответил Ганапи.

– Дорогой мой, тогда я сам найду её... Важно отыскать теперь, пока мы не превратились в ледяные сосульки.

– Хорошо, я пойду впереди, – согласился Ганапи и, стараясь ступать твёрдо, стал подниматься вверх по заснеженной глади склона, на котором плясала буйную лезгинку снежная метель.

И снова молчаливой вереницей медленно двинулись люди, подталкивая и подтягивая друг друга к ледяной вершине Гудур-Дага. Ганапи вывел отряд на вершину Гудура.

Прекратился снегопад. Горы поражали мощью. Величественная картина безжизненной белизны. Яркосинее небо, прозрачный воздух и высоты, подобные неподвижным кучевым облакам. Солнце, отражённое алмазной пылью снежинок, слепило глаза. Идти дальше стало невозможно. Горцы-проводники прибегли к обычному средству – смазали веки порохом, смешав со снегом. Солдаты последовали их примеру. Начался спуск. Ганапи шёл впереди, ощупью угадывая тропу.

Вдруг в стороне показался отряд: горцы шли, навьючив мешки на лошадей. За ними с трудом двигалось стадо крупного рогатого скота. Аргутинский приказал отрезать им путь. Ширванцы, скользя по снегу, направились к мюридам. Те, оставив стадо, побросав ноши, скрылись в снеговых балках. В сумках оказались толокно, брынза, другие съестные припасы, которые стали с удовольствием отправлять в рот солдаты и офицеры. Скот тоже был кстати изголовавшимся воинам Аргутинского.

Как выяснилось, партия мюридов возвращалась из Джар. По тропе, пробитой шамилевскими аскерами, Аргутинский двинулся в сторону Джар. На пути попались оставшие от своих мюриды, которые были взяты в плен. Один из пленных сообщил, что Даниель-бек находился на горе Гонзо, но, узнав о подходе Аргута, спустился в Белоканское ущелье. Генерал повернул к этому ущелью. К полудню авангард во главе с главнокомандующим достиг перевала. Отсюда простирался прекрасный вид на живописную Алазанскую долину. Повеяло теплом и жизнью от зелёных лесов и цветущих полей, обласканных солнцем юга. А на перевале расстился снежный покров. Спуск шёл по крутому гребню. Но уже показался скалистый грунт с узкой тропой – в одну лошадь. Петляя на поворотах, тропа вела к джарским летним пастбищам. На пути попались джарцы, зачочневшие среди вечных снегов. Увидев молодую мёртвую женщину, которая застыла на корточках, прижимая к груди своего младенца и двух других замёрзших малышей, солдаты сняли шапки и, крестясь, поторопились пройти мимо.

Утомительный спуск на корточках, держась за уздцы и хвосты лошадей, казался бесконечным. Орудия приходилось переносить на руках. Измученные животные сползали, в напряжении вытянув передние ноги. Только к вечеру подошли к урочищу Динди. Тучный коротконогий Аргутинский тут же свалился на землю. Он глубоко, облегчённо вздохнул и, подложив камень под голову, закутанную башлыком, захрапел.

От урочища Динди до горы Гонзо было около шести вёрст. Разведка доложила, что гора свободна, а Даниель-бек перешёл на Месельдегерские высоты, где блокировал русское укрепление.

Появление Даниель-бека на Лезгинской кордонной линии было неожиданным для командования. Прибыв в Джары, бывший элисуыйский султан поспешил в мечеть. Это было в пятницу, в полдень. После проповеди муллы Даниель-бек обратился с речью к прихожанам.

– Поистине нас послал к вам имам Дагестана и Чечни, чтобы защитить от неверных захватчиков. Мы подвергнем разорению и наказанию тех, кто не будет с нами одного мнения и не изъявит полного покорства и подчинения. С теми, кто окажет сопротивление, расправится наше войско, от которого никто не дожждётся пощады, ибо среди них будут люди, которые давно ищут случая разграбить и предать огню то, что нельзя унести с собой. А потому все, кто признает шариат, должны перейти на нашу сторону, вооружиться и пойти с нами на тех, кто пойдёт против нас.

Понуриив головы, вышли джарские мужчины из мечети. Каждый знал, к чему привело возмущение народов Элису, Белокан и Джар, когда этот бывший султан, подняв оружие против царских сатрапов, с которыми всегда был в дружбе, переметнулся к Шамилю. Теперь он явился опять и вновь призывает к оружию путём устрашения. Оказавшись среди двух огней, люди стали искать спасение в бегстве. С наступлением ночи, крадучись во тьме, уходили они поодиночке и семьями в разные стороны, взяв с собой только то, что можно унести. Они старались обходить дозорных Даниеля, минуя стороной дороги и тропы, прячась не только от мюридов, но и от односельчан.

Утром, когда Даниель-беку доложили о массовом бегстве джарцев, он был взбешён, но ничего не мог поделать. Приказав унести оставшееся имущество беженцев и угнать скот, Даниель спустился к Закаталу. Жители селения, узнав о приходе Даниель-бека с войсками, тоже скрылись в окрестных лесах. Вслед за жителями, оставив небольшую крепость Закатал, ушёл и гарнизон в сторону укрепления Царские Колодцы.

Даниель-бек разрушил крепость, сжёг солдатские казармы и дом старосты в селении. Он хотел было идти в сторону Царских Колодцев, но лазутчики доложили о концентрации большого числа войск противника возле укрепления. И действительно, командующий силами Лезгинской кордонной линии генерал-майор князь Григорий Орбелиани стягивал к Царским Колодцам основные силы, отправив в штаб армии и командирам войсковых подразделений, граничащих с ним, срочные донесения о нашествии отрядов имама в пределы Джар и Белокан. Немедленно была мобилизована милиция ближайших грузинских селений. У Муганлинской переправы в Алазанской долине стали строить завалы и редуты. Из различных уездов Грузии к Алазанской долине были брошены регулярные силы, чтобы воспрепятствовать продвижению войск Даниеля к Элису. В Ширак, Каладар и Голю были высланы отряды милиции с ополчением.

Тогда Даниель-бек решил отойти к глубокому ущелью, расположенному в горах, выше крепости Закатаны, и укрепиться там.

Через два дня к ущелью подошёл Орбелиани с тремя батальонами пехоты, шестью орудиями и десятью сотнями кавалерии. В тот же день, установив орудия против входа в ущелье, Орбелиани начал обстрел вражеских позиций, чередуя огонь артиллерии с атаками. На следующий день, с утра, после продолжительной артподготовки, за которой последовала кавалерийская атака, Орбелиани удалось выбить мюридов с передних завалов. Пехота его, зайдя с флангов, поднялась на возвышенности и ружейным огнём оттеснила горцев в глубину ущелья, но большего ей достичь не удалось – верхние этажи над ущельем оказались занятыми мюридами.

К вечеру, узнав, что на соединение с Лезгинским отрядом спешит Дагестанский отряд во главе с Аргутинским, Даниель-бек решил подняться к Месельдельгерским высотам, где царское командование возводило новое укрепление. Гарнизон крепости заперся и встретил мюри-

дов пушечным огнем. Неоднократный штурм не привёл к успеху. Спешившие на выручку гарнизона Лезгинский и Дагестанский отряды уже были у подножий Месельдельгера. На гору вела узкая тропа, вьющаяся змейкой по обрывистому лесистому склону, доступная для прохода одного человека. Подойти к высотам обходным путём было невозможно. Даниель-бек стал отходить через Джурмут в горы.

К урочищу Динди, где стоял Аргутинский, прискакал гонец от командующего Линией генерала Орбелиани с предложением идти в сторону месельдельгерского укрепления, гарнизону которого ежечасно грозила опасность. Аргутинский тотчас покинул Динди и через Закаталы пошёл на соединение с Орбелиани. Когда помощь подошла к укреплению, стало известно, что Даниель-бек, узнав о походе Аргута, снял осаду после безуспешных атак и поднялся в горы к Джурмуту.

Аргутинский приказал начальнику кавалерии генерал-майору Суслову преследовать мюридов. Когда Суслов подошёл к Месельдельгеру, хвост неприятеля перевалил через Джурмут – один из отрогов Главного хребта. Расстояние между Суловым и Даниель-беком составляло десять часов времени. Дальнейшее преследование отряда было бессмысленным, и генерал вернулся обратно.

Аргутинский, дав возможность войскам передохнуть, возвратился с Дагестанским отрядом обратно и, уже не торопясь, по более удобной дороге через Алазанскую долину, Шипское ущелье, Салават, Рутул, Нус-Даг направлялся в Кази-Кумух. Здесь он распустил отряд на зимние квартиры, а сам вернулся в Темир-Хан-Шуру.

Стояла поздняя осень. В горах Чечни и Дагестана уже не таяли ледники. В такое время, оставив все дела, люди отсиживались дома. Только важные события или крайняя необходимость могли выгнать человека из дому.

В эту пору в Ведено спешил человек. Одет он был в длинную чёрную бурку, голова закутана в башлык. Лицо было весёлым. Он ехал в окружении нескольких вооружённых горцев, так же хорошо одетых и так же умело восседающих на прекрасных скакунах. Это был шамилевский наиб Даниель-бек – он спешил к имаму. В Новом Дарго, выросшем рядом с Ведено, перед всадниками появились два стражника и распахнули ворота большого дома с обширным двором. Ловко соскочив с коня, Даниель-бек, бросив повод подбежавшему нукеру, быстро поднялся по лестнице и без предупреждения вошёл в комнату Шамиля.

Имам по выражению лица наива понял, что торопился он с доброй новостью. После обычных приветствий, сев напротив имама, Даниель-бек сказал:

– Слава высочайшему владельцу миров! Худший из царских генералов, Аргутинский, скован параличом.

– Брат мой Даниель, я не разделяю твоей радости. Ты неправильно выразился, назвав Аргута худшим из царских генералов. Напротив, это один из лучших, храбрейших, достойнейших военачальников, опаснейший из наших врагов.

– Согласен, я имел в виду последнее.

Кивнул головой в знак того, что понял, Шамиль продолжал:

– А что касается того, что я не радуюсь, пойми меня. Аргут – недруг мой и твой в условиях поля брани. Он выполнял лучше других то, что ему предписывали и говорили владеющие властью и тронном во имя укрепления мощи своей страны. Но радоваться такой страшной беде, постигшей даже самого худшего врага, не следует, как вообще не следует радоваться чужому горю. Трудно сказать, что ждёт впереди каждого из нас. Я предпочёл бы смерть, чем быть живым, скованным параличом, отличаясь от мертвеца лишь неотлетевшей душой. Аргут был достойный противник любого из нас, ты ведь лучше должен знать его.

– Да, я хорошо знаю этого армянина, – начал вспоминать Даниель-бек. – Юнкером лейб-гвардии начал он службу. На Кавказ приехал в 1827 году в чине майора, во время турецкой войны за успехи в боях получил Георгия четвёртой степени, а немногим позже за усмирение

казикумухцев получил Георгия третьей степени. С тех пор в течение двадцати трех лет не выходил он из огня боевых действий.

Даниель-бек умолк, глядя перед собой. Шамиль спокойно разглядывал смуглое лицо собеседника с типичными чертами азиата, с жёсткой щетиной чёрной бородки и усов. Он не сомневался в том, что не с этой одной новостью приехал Даниель-бек к нему в декабрьскую службу. И на самом деле, после некоторого молчания Даниель-бек сказал:

– Приехал человек с письмом от Сеид-Мехмед-Эмин-бея. – Видя, что Шамиль пытается вспомнить знакомое имя, пояснил: – От турецкого консула, находящегося в Тифлисе.

– Помню, помню. Этот осман, несмотря на то, что находится к нам ближе остальных и пользуется большими правами, редко даёт знать о себе. Где посыльный? – спросил он Даниель-бека.

– Здесь, ждет приглашения.

Шамиль несколько раз хлопнул в ладоши. Дверь распахнулась, показался Салих.

– Пусть войдёт чужестранец, – сказал имам.

Высокий худощавый человек в одежде горца, с удлинённым смуглым лицом, азиатским разрезом карих глаз, переступив порог, опустился на колени. Сделав земной поклон, не поднимаясь на ноги, он подполз к сидящим и сел на ступни перед имамом.

– Как зовут тебя? – спросил Шамиль.

– Керам-Бетли-оглы, – ответил незнакомец.

– Откуда родом?

– Из Карского пачалыка, но последние годы проживал в Стамбуле.

– Где служил?

– Числился в третьем табуре второго алая Четвёртой турецкой армии в чине капитана. Затем был переведён в штаб Анатолийской армии и вскоре отправлен муширом Зарифом-Мустафой-пашой через Карс в Тифлис к консулу Сеид-Мехмед-Эмин-бею с бумагами.

– Значит, ко мне ты пришёл с письмом от консула? – спросил Шамиль.

– Нет, с письмом от султана.

Имам терпеливо стал слушать рассказ турецкого офицера.

– Когда я в первый раз прибыл в Тифлис, Сеид-Мехмед-Эмин-бей отправил меня в Закапалы к своему человеку, где я некоторое время занимался ремеслом хлебопека. А консул тем временем обратился в дипломатическую канцелярию с просьбой выдать свидетельство на сво-

бодный проезд до границ Анатолии нарочному, отправляемому в Эрзурум с нужными бумагами. Удостоверение было получено на имя служащего консульства Ибрагима-Али-оглы. Воспользовался свидетельством я и возвратился в Стамбул. Там вновь взял письма, адресованные на имя консула и к тебе от султана Абдул-Гамида и других должностных лиц имперской канцелярии и тем же путём прибыл в Тифлис. Три дня пробыл у консула, затем через Закатал пробрался сюда.

После этих подробностей Керам-Бетли-оглы спорол подкладку своего бешмета, извлёк из-под неё свёрнутый лист бумаги и протянул его Шамилю. Имам стал читать:

«Всем народам Дагестана, Чечни и в особенности имаму Шамилю, его сподвижникам и другим мусульманам.

Затем мир! Я посылаю вам это письмо с просьбой быть бдительными и разведывать всё, что касается вас и нас, и сообщать нам через осторожных, доверенных людей. Опасайтесь проклятых гяуров. Они уже убедились в том, что вы не останетесь в их руках и не будете в числе подданных коварного царя, который, по дошедшим до нас слухам из других вилаетов, готовится двинуть свои силы против нас. Поразмыслите над этим и не будьте небрежными, если вы такой народ, которому можно доверять. Не склоняйтесь к врагу, который не имел у вас успеха. Если вы, повинувшись небу всем сердцем склонитесь в нашу сторону клянусь Аллахом, вы найдёте больше, будете возвышены и достигнете высокой степени. Готовьтесь и вы прийти на помощь во имя общего дела.

Светлейший султан Абдул-Гамид и его приближенные».

Прочитав письмо, Шамиль сложил его вчетверо и передал вошедшему секретарю Мухамед-Тахиру, а Кераму-Бетли-оглы сказал:

– Я ознакомлю с письмом членов нашего меджлиса, затем напишу ответ.

Ответное письмо имам написал на следующий день.

«От бедного Шамиля – султану Абдул-Гамиду, который управляет всеми мусульманскими народами, которому желаю, чтобы Аллах дал постоянную силу и всякое достоинство. Рай есть под тенью шашек! И мы поистине подняли мечи за веру и независимость, будучи стесняемы год от года неверными. Воюя с давних времён с врагами веры, мы лишились силы и теперь не имеем достаточного количества войск, которое можно противопоставить врагу. Мы лишены средств и находимся в бедственном состоянии, не имея материальной помощи ни от кого в течение всего этого времени. Лишь только Аллах был нашим помощником, покровителем и благодетелем. Мы будем готовиться, но выступим только тогда, когда более сильные и мощные единоверцы отвлекут и ослабят общего врага и помогут нам оружием и другими средствами.

Нет Бога, кроме Аллаха.

Имам народов Дагестана и Чечни Шамиль».

Глава вторая

Шамиль верил в силу Османской империи. Он не знал, что этот период был наитяжелейшим периодом крушения её былого могущества. Раздираемая внутренними противоречиями, потрясаемая восстаниями зависимых народов, терзаемая косвенными дипломатическими интригами и прямыми агрессивными действиями извне, Турция была на краю гибели. Входящие в её состав африканские государства – Египет и Тунис – на деле уже принадлежали Англии. Европейская часть с проливами Дарданеллы и Босфора, являющимися воротами нескольких морей, были главной мечтой Англии и царской России, которые после победы над Наполеоном в войне 1812 года стали великими державами, вершившими судьбы народов Европы.

В своей беседе с английским послом Николай I говорил: «Я против постоянного занятия Константинополя русскими, но он ни в коем случае не должен перейти во владение англичан, французов или какой-нибудь другой великой нации. Также я никогда не допущу ни попытки восстановления Византийской империи, ни того расширения Греции, которое превратило бы её в сильное государство. Чем мириться с одной из этих возможностей, я скорее начну войну и буду вести её, пока у меня останется хоть один солдат, хоть одно ружьё. А в случае крушения Оттоманской империи княжества Сербия, Болгария и другие должны остаться под моим управлением. Египет, остров Крит могут стать английскими владениями. И вообще, – заявил в заключение царь, – в случае распада государства турок, разрешение территориальных вопросов не представит затруднений. Единственное, что необходимо, это чтобы Англия и Россия не столкнулись между собой».

Турецкий султан Абдул-Гамид, несмотря на действенную помощь союзников, догадывался об их истинных целях. Он надеялся на единоверные воинственные племена Кавказа, усматривая в этой соломинке спасение. Направившись в Грузию, султан спешно отправил к Шамилю и Магомед-Эмину в Черкесию письма с предложением немедля двинуть силы навстречу.

Известие о начале русско-турецкой войны Шамиль воспринял без особой реакции. Он сказал:

– Рано или поздно это должно было случиться. Свинцовые тучи военной грозы, гонимые ветром безумия, могут нависнуть и там, где небо вечно светлое, а над страной Османов они клубились давно. Да поможет Аллах единоверцам великого халифата!

Начавшаяся война России с Турцией воодушевила горцев Кавказа. Они не сомневались в том, что рано или поздно султан явится в Тифлис и разобьёт основы русского владычества в христианской Грузии. Особенно оживилась деятельность лазутчиков. Один за другим они являлись к имаму в Ведено с сообщениями, когда и в какую сторону отправляются на фронт полки с кордонных линий. На линиях Прикаспийского края оставалась небольшая часть царских войск, рассчитанных только на оборонительные действия. Многие предполагали, что теперь Шамиль развернёт активные действия, очистит край от гяуров и двинется к югу на соединение с армией султана. Но имам медлил. Он не считал себя обязанным ни в чём правителю турецкого вилаята, который тоже ничем не помог ему как единоверцу за долгие годы разорительной войны. В нескончаемые дни тяжёлых испытаний, в огне непрерывной борьбы он научился не только действовать, скрывая цели, но и говорить, утаивая мысли.

Правительство Турции возлагало большие надежды на воинственных горцев Дагестана и Чечни. Их эмиссары и военные агенты хлынули сначала к Черноморскому побережью, к черкесам, с воззваниями, вооружением, деньгами. Но пробраться в горы Дагестана и Чечни теперь стало гораздо труднее. Десятки отчаянных смельчаков, знавших дороги к имамату, оставались у турецких границ, схваченные на заставах. И если самым ловким удавалось проникнуть в

глубь гор к Шамилю, их обязательно ловили где-нибудь на обратном пути через Грузию или на землях Притеречья.

Вскоре после начала войны к Шамилю из Турции в Ведено пробрался человек с письмами от султана. Шамиль, как всегда, со сдержанной любезностью принял гостя. Прежде чем приступить к чтению писем, он попросил посланника рассказать о себе и каким путём ему удалось пробраться в Ведено. Пришелец стал рассказывать:

– Зовут меня Измаил-Ага. Родом из Ахалциха. Родители мои еще в 1828 году при занятии русскими города бежали в Стамбул. С двенадцати лет скитался я по городам Турции и Ирана. Во время войны султана с египетским пашой я командовал сотней башибузуков. После окончания войны уехал в Багдад и нанялся на службу к тамошнему валию. Год назад я получил приглашение от командующего Анатолийской армии и вернулся в Стамбул, затем в Карс. До выступления турецких сил из Карса к Александрополю я был истребован муширом Абди-пашой, который вручил мне два письма на твоё имя. Он просил передать словесно, что русский царь, требуя некоторых прав на Иерусалим, хотел унижить светлейшего. Надеюсь на англичан и французов, султан подвинул войска от Карса, Баязета и Ардагана к пределам Кавказа. Тебе теперь остаётся, надеюсь на неограниченную милость Порты, довершить действия против гяуров. Мой путь шёл через Карс до Баяндур вместе с войском. В Баяндуре я переоделся нищим и пошёл по дилижанской дороге на Елисаветполь. Далее последовали Нуха, Шемаха, Куба, Ахты, Кази-Кумух, Чох, затем через Салатавию дошел до Ведено.

Когда Измаил-Ага закончил рассказ о себе, Шамиль прочитал письма от султана и корпусного командира Анатолийской армии – Зарифа-Мустафа-паши, которые призывали Шамиля к совместным действиям, а Мустафа-паша просил прислать карту Дагестана и Чечни с указанием численности войск имамата и плана намеченных действий.

– Хорошо, – сказал имам, – через несколько дней я дам тебе ответ на оба письма, приложу карту, составленную ранее египетским Хаджи-Юсуфом, копия с которой была отослана в Стамбул через Черкесию. Кроме того, приложу перевод русской газеты, найденной у недавно убитого на Линии казака.

В ответном письме султану Абдул-Гамиду Шамиль написал:

«Имя Бога самое лучшее. Хвала Аллаху, который дал большую честь тому, кто для Бога жертвует собой. В час получения вашего письма серый день мне казался солнечным. Исполняя ваше желание, сообщаю, что войско и артиллерию я имею в довольном числе. Письма, получаемые мной из других мусульманских вилаетов, доказывают, что русские боятся наших совместных действий и все магометане чрезвычайно воодушевлены войной. Вам следует обратиться с воззваниями лично к тем, кто до сих пор действовал на стороне неверных, – к шамхалу

Тарковскому, Юсуф-беку Кюринскому, Аглар-хану Казикумухскому. Далее прошу мушира и мусташира уведомить меня обо всём для верных соображений. Без предварительного ознакомления с вашими планами я не могу приступить к походу, исключая обстоятельства, касающиеся подвластного мне вилаета.

Да будет нам сопутствовать успех и помощь Всевышнего.
Имам Шамиль».

Приблизительно такого же содержания было письмо, адресованное и Мустафа-паше.

На заседании Государственного совета, после того как секретарь Мухаммед-Тахир зачитал письма султана и мусташира, Шамиль сказал:

– Поистине нам не следует торопиться, поверив словам и написанному. Мы не раз убеждались в изменчивости власти имущих. В этом убедил нас и поход, недавно предпринятый в сторону Кабарды. Только Аллаху ведомо, что может ожидать нас на равнинах юга. Мне кажется, нужно выждать, чтобы убедиться в силе султана, и лишь тогда, когда аскеры его станут подходить к границам Грузии, следует пойти навстречу. В настоящее время наших сил и средств едва хватит, чтобы защитить собственные очаги. Разрухой и неурожаем вилает доведён до нищеты. Не можем мы ради султана жертвовать остатком сил, тем более что он не пожертвовал нам ни одной монеты.

Когда Шамиль закончил речь, стал говорить Даниель-бек:

– Ты прав, имам. Чечня и Дагестан до предела истощены войной. Но, если мы не приложим усердия в некоторых действиях, Аллах нам не даст ничего. Сейчас, когда основные силы империи отвлечены на действия против Турции, надо обратить взоры на богатую страну соседей. За счёт набега на Грузию мы сможем пополнить казну без особых потерь, а главное, тем самым создадим видимость нашего стремления к соединению с армией султана и его союзников.

Предложение Даниель-бека было одобрено членами меджлиса. Шамиль приказал членам Государственного совета держать решение в строгом секрете.

По окончании посевной по приказу имама наибы Чечни и Дагестана приступили к сбору войск. Никто, кроме членов Государственного совета, не знал о направлении и цели похода. Даже сыну своему Гази-Магомеду – наibu Караты – Шамиль не открыл военной тайны. Местом сбора войск было назначено местечко Зуну около Караты. Многочисленные отряды кавалерии, пехоты и артиллерии с боеприпасами и снаряжением потянулись по горным дорогам страны. Наибы, учёные и мюриды шептались меж собой, строя догадки и предположения. На сей раз им было непонятно поведение имама и членов меджлиса, которые всегда и всюду решали вопросы сообща с наибами, советовались с учёными и духовенством. Недоверием отца был озадачен и Гази-Магомед. В день прибытия Шамиля в Карату, где он стоял в ожидании подхода тылов, сын, не осмелившись прямо спросить отца о намерениях и направлении похода, решил подойти окольным путем, задав вопрос:

– В каком направлении прикажешь вести ремонт дороги?

Шамиль глянул на Гази-Магомеда пытливым взглядом, помолчал минуту, затем спокойно ответил:

– В хорошем наибстве дороги всегда должны быть исправны во все четыре стороны.

Только накануне выступления он созвал наибов для ознакомления с приказом, в котором было сказано, кто, с каким количеством войск и с какой целью должен идти.

Своё шестнадцатитысячное войско имам разбил на несколько отрядов. Наибы Гумбетовский, Салатавский и Ауховский с полуторатысячным отрядом должны были переправиться через Сулак, ниже Султан-Янги-Юта, для отвлечения сил, находящихся на Линии, граничащей с Чечнёй и Дагестаном.

Кебед-Магома с устатом Джамалуддином-Гусейном Казикумухским и купцом Мусой должны были напасть на селения Урн и Мукарки Казикумухского округа с со-гратлинским наибом Хурши. Даниель-бек должен был пройти в сторону Джар и Белокан с трёхтысячным отрядом кавалерии. Сам Шамиль с Гази-Магомедом и с основными силами должен был двинуться в сторону Анцуха и Капучи.

Накануне выступления отрядов имам отправил самых искусных лазутчиков в разные стороны. Один из них явился на Лезгинскую линию в крепость Чар к коменданту и с озабоченным видом добродетеля сообщил: «В вашу сторону идёт имам с бесчисленным войском. Видимо, он хочет исправить ту ошибку, которую допустил при походе на Ахты. Прими все меры предосторожности».

Комендант крепости Чар поверил пришельцу. Он немедленно направил гонцов к командующим Лезгинской и Алазанской линий с донесением и требованием помощи.

Другой лазутчик поскакал в гарнизон регулярной грузинской милиции и предупредил начальника: «Шамиль направляется в Грузию по этой дороге с несметными полчищами, будьте готовы». Из Тинди тоже помчались связные к начальникам ближайших уездов Грузии с сообщением и просьбой подкрепления.

В Тифлисе, в штабе главнокомандующего, развели руками, когда поступило одновременно два сообщения о наступлении горцев в сторону крепости Чар. Штабисты пришли к заключению, что второй человек, сообщивший начальнику тиндинского гарнизона о наступлении Шамиля, – злоумышленник, специально направленный в эту сторону, чтобы ввести в заблуждение командование и отвлечь внимание командующих от крепости Чар. «Если даже неприятельские скопища появятся на левом фланге, это будет демонстрация. Мятежные горцы могут надеяться на большие и продолжительные успехи в Джаро-Белоканском и других округах Лезгинской линии, нежели в христианских селах Кахетии», – сказал Воронцов.

В связи с тем что регулярных войск на Лезгинской и Алазанской кордонных линиях было мало, защита округов вменялась в обязанности местной милиции.

Основное внимание командования было обращено на Лезгинскую линию. Сюда был брошен генерал-майор князь Григорий Орбелиани с отрядами милиции, собранными в Сигнахском и других уездах. Незначительные регулярные казачьи войска, растянутые по линии, были сконцентрированы в крепости Закаталы. У Муганлинской переправы через Алазань стояли сотни пешей и конной милиции. Отряды милиции были направлены к селениям Гомро и Кала-

дар, через которые со стороны Ширакской степи вели единственные дороги в Елисаветпольский уезд.

Начальник Алазанской кордонной линии генерал-майор князь Андроников назначил местом сбора милиции аул Анага. Здесь он провёл смотр пеших и конных милиционеров, а также ополченцев. После благодарственного Господу Богу молебна, провозглашения многолетия всему августейшему императорскому дому и окропления святой водой христианских воинов князь Андроников распорядился отправить части конной и пешей милиции на переправы к реке Алазани и на Лезгинскую линию к Джарам и Белоканам для усмирения жителей на случай их возмущения.

Жителям всех селений, расположенных близко к Алазани, было приказано вооружиться, а начальнику гарнизона в Бежанинах – оказывать помощь населению в случае нападения отрядов имама. Жители города Сигнахи вступили в ополчение, заперли свои лавки и дома, имущество снесли в одно место и выставили охрану. В высокогорную Кахетию на всякий случай было брошено небольшое подкрепление из Телавского уезда.

Шамиль с десятитысячным отрядом подошёл к крепости Цунта и окружил её. Через день начальник гарнизона полковник Сумцов сдал крепость. Пленных офицеров и солдат отправили в Ведено. Оставив в Цунте сотню мюридов, Шамиль пошёл к высоте Пахали, на вершине которой стояли Пахалистанская и Шаугорская башни. Гарнизоны этих башен состояли из грузинских пеших дружин во главе с хорунжими. При появлении горцев хорунжие дали знать своему командиру полковнику Давиду Чавчавадзе, но помощь не подоспела. Обе башни были окружены и разбиты до основания, гарнизоны взяты в плен и отправлены в Чечню.

Имам остался на вершине Пахали. Своего сына Гази-Магомеда с несколькими наибами, во главе трёх тысячной конницы и такого же количества пехоты отправил на равнину, через Шуагорское ущелье в предместье селений Шилды и Хондо. Здесь к нему должен был присоединиться отряд Даниель-бека. Даниель-бек, подойдя к джарским горам, несколько дней бездействовал, но зато хорошо работала его разведка, которая следила за ходом передвижения основных сил. Затем он подошёл к селению Лякит мимо Мухохского ущелья и сделал движение в сторону Талы. Отсюда, неожиданно повернув, исчез, оставив изумлённых противников, усердно готовившихся к обороне.

В предместье Шилды и Хондо трёхтысячный кавалерийский отряд Даниель-бека присоединился к войскам Гази-Магомеда, и они вместе заняли большую часть Кварельского участка и переправу через реку Алазань. Ещё будучи в Новом Дарго, бывший элисуйский султан, знавший хорошо не только пределы своих владений, но и всю Грузию, соблазнял имама, рассказывая о богатствах, хранимых в Алавердинском соборе и Шуалитинском монастыре Телавского участка.

Для захвата бесценной древней утвари, образов и прочих богатств, состоящих из золота, серебра, драгоценных камней и жемчуга, имам послал Даниель-бека со своим сыном. Жители Телави, привыкшие к набегам горцев, вначале не придали особого значения слухам, подумав, что небольшая партия мюридов, дерзнувших вновь появиться на их границе, будет легко отогнана. Но, когда их взорам предстала огромная сила, телавцев охватила паника, и они стали разбегаться кто куда. К полудню сотни мюридов под прикрытием огня начали подступать к селению Шилды. Жители успели с утра укрыться в окрестных лесах. Грабя и сжигая дома, мюриды подошли к шилдинскому укреплению и осадили его.

Даниель-бек со своим отрядом отправился в Телави. Небольшой гарнизон успел закрыться в крепости и встретил мюридов пушечным огнем. Начальник гарнизона отправил гонца за помощью.

Вместе с Даниель-беком переправились через Алазань и поскакали к другим селениям Хаджияв с Инкау Чохским. Начальник Телавского уезда с отрядом милиции в несколько сотен попытался было остановить неприятеля у переправы, но, отброшенный мюридами Дани-

ель-бека, едва успел укрыться в крепости. Тем временем Гази-Магомед, не снимая осады у крепости Шилды, где укрылся личный адъютант наместника полковник Чавчавадзе, бросил часть сил на Цинандали. Князь Чавчавадзе с башни крепости видел, как горели разорённые дома в Шилдах. Огни пожаров поднимались и над домами сёл, расположенных вдоль Алазани. Мычали угоняемые стада, жутко выли собаки.

Командование Алазанской линии решило преградить путь к центру богатого Телавского уезда. К Гомбарскому проходу через Джинвальский мост был брошен прибывший из Тифлиса батальон Тенгинского полка. К Сагурамскому ущелью форсированным маршем подошел генерал-майор Меликов с двумя батальонами Тифлисского егерского полка, батальоном Новагинского полка и восемью орудиями.

На Кварельский участок был брошен генерал фон Кульман. Узнав об этом, Даниель-бек вынужден был отойти от телавского укрепления. Он был слишком осторожен, как бывший царский генерал, чтобы решиться при таком положении дел углубиться в центр уезда. Даниель не решился бы на это, если бы даже узнал, что мобилизованное ополчение для охраны Алавердинского собора и Шуалитимского монастыря разбежалось, бросив посты, оставив растерянного настоятеля, который, кстати сказать, успел упрятать все драгоценности в подземные хранилища. Кроме того, аскеры Даниель-бека, желая пожить, как и остальные мюриды, настоятельно требовали отхода к более доступным Кондоли, Киснехеви, Шалаури, Цинандали, другим селениям, где беспрепятственно предались мародерству мюриды Гази-Магомеда и других набобов.

В Тифлисе стояла тропическая жара. Адъютант главнокомандующего князь Давид Чавчавадзе, один из богатейших дворян Кахетии, решил вывезти семью из Тифлиса на лето в своё родовое имение в Цинандали. Давид Чавчавадзе был командиром отрядов пешей и конной кахетинской милиции, которая осуществляла охрану верхней части алазанской кордонной линии и аваро-кахетинских границ.

Чавчавадзе был женат на внучке последнего грузинского царя Георгия XIII Анне Ильиничне. У Давида было пятеро детей – четыре дочери и сын. Вместе с Анной Ильиничной приехала и её младшая сестра Варвара Ильинична – жена недавно погибшего на турецком фронте генерала Илеко Орбелиани. Она очень страдала по мужу и согласилась уехать из Тифлиса ради сына – грудного младенца. Вместе с ними приехали престарелая тётушка Давида Тания, племянница княжна Нина Баратова, француженка мадам Дрансе, прислуга и дворня. Шестилетняя Елена, дочь Чавчавадзе, должна была прибыть с сестрой Давида Ниной – вдовой Александра Сергеевича Грибоедова. Оставив семью в имении, князь Чавчавадзе уехал в урочище Хондо, где стояло пять сотен милиции. В день прибытия в урочище он получил известие через Пахалистанский горный караул о движении в их сторону многочисленного отряда горцев. Не придав особого значения донесению, думая, что горцы не решатся подойти к алазанским берегам, Чавчавадзе остался на месте в ожидании дальнейших известий. Накануне выезда из Тифлиса его поставили в известность о переброске основных сил Шамиля в сторону Джаро-Белоканского округа, где и сосредоточивались силы для отражения удара.

На другой день утром Чавчавадзе увидел цепочки конных и пеших мюридов, которые спускались с Пахалистанских высот по спускам Аса-Каде и Яйлаги. Человек из горного караула прибежал, запыхавшись, и сообщил Давиду Чавчавадзе о разрушении людьми Шамиля обеих караульных башен и пленении их гарнизонов. Он также сказал, что численность войск противника не укладывается в цифры, доступные его понятию. Тогда полковник Чавчавадзе, находя своё расположение в урочище Хондо опасным, отступил к крепости Шилды. Отправив две сотни милиции на помощь жителям, с остальными тремя Чавчавадзе приготовился к обороне.

На следующее утро мюриды стали подступать к селению. На окраине, а затем на улицах селения завязался бой, который длился до вечера. Большинство из жителей селения с пожит-

ками, ещё до подхода горцев, бросилось к переправе через Алазань. Они были схвачены мюридами, которые растянулись цепью по берегу реки. Лишь тем, которые скрылись в лесистых горах, удалось спастись.

На заре третьего дня горцы обложили крепость Шилды. Гарнизон отчаянно оборонялся в течение дня. На рассвете Чавчавадзе доложили об уходе мюридов к реке. Чавчавадзе не сомневался в том, что горцы поспешили на противоположный берег с целью грабежей селений Телавского уезда, среди которых находилось и его родное Цинандали с семьёй в родовом имении. Обеспокоенный, досадуя на себя за то, что за день до того отправил нарочного с письмом к семье, в котором писал, что нет причин для беспокойства и опасения, и не советовал выезжать из Цинандали, растерянный князь, взяв с собой из укрепления три роты Тифлисского, две – Мингрельского полков, с тремя орудиями и двумя сотнями милиции, поспешил за неприятелем. Но перебраться вброд на противоположный берег ему не удалось – в горах прошли дожди, река разлилась, стала полноводной.

На правом берегу Алазани горели села. Доносились душераздирающие крики женщин, плач детей, угоняемых в плен вместе со скотом. Толпы пеших горцев тащили на себе котлы, кувшины, медные тазы, топоры, вилы, лопаты, косы и все, что могло пригодиться в хозяйстве. Конные шли, навьючив на животных матрацы, одеяла, подушки, ковры и прочее добро. Со всем награбленным они стали переходить реку вброд. Чавчавадзе с отрядом укрылся в засаде на левом берегу. Как только горцы с пленными и угоняемым скотом достигли середины реки, он скомандовал: «Пли!» Грянули орудия. Ошеломленные мюриды, бросив ноши, пленных и скот, повернули обратно. В это время к переправе прибежал посыльный и сообщил, что горцы вновь подступают к шилдинскому укреплению, деревянная церковь горит. Чавчавадзе кинул свою милицию к церкви. Мюриды отступили поспешно, скрываясь за стенами домов и заборов селения. Семь горцев, попавших в руки милиции, были брошены в пламя гигантского костра, который пылал, озаряя небо, на месте бывшей церкви.

Заметив подход новых отрядов к селу, Чавчавадзе отступил и вновь заперся в Шилдинской крепости. Безудержная людская стихия, хлынувшая с гор, подкатывала к Кварели. Слишком поздно поняло командование роковую ошибку. На помощь осаждённому шилдинскому гарнизону поспешил полковник фон Кульман с двумя ротами линейного батальона. Сюда же шёл подполковник князь Кабулов с двумя ротами Мингрельского егерского полка. С Кодера спуускался третий батальон Тифлисского егерского полка.

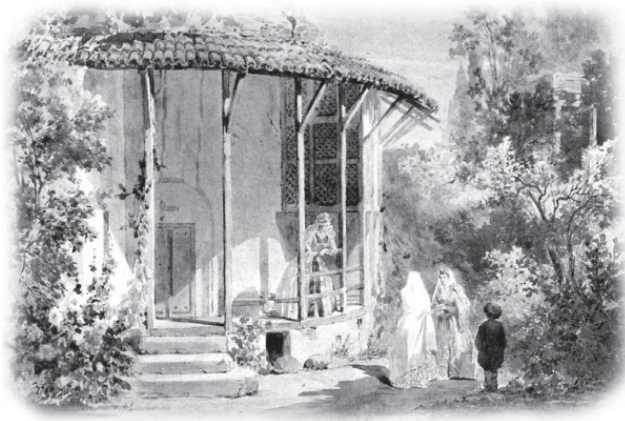
Но помощь запоздала.

Утопающее в зелени селение Цинандали было расположено на правом берегу Алазани. Обширная долина, богатая лугами и плодородными землями, была густо населена не знающими нужды народами Грузии. Гряда заснеженных гор станового хребта, поднимаясь вдоль левого побережья, несла прохладу залитой солнцем долине, ограждая её от суровых северных ветров. Кукурузные плантации, виноградники, фруктовые сады, прекрасные пастбища для скота и чудесный климат заставляли поселян крепко держаться за благодатный край, несмотря на частые набеги воинственных племён Дагестана, которые селились, как стаи орлов, среди поднебесных суровых гор и бесплодных скал.

Алазань была глубокой рекой, которую не везде можно было пройти вброд. Там, где она сужалась, с берега на берег были перекинуты мосты, которые охранялись фортами русских солдат и местной милиции. На лесистых высотах левобережья, у дорог, ведущих из Кахетии в Аварию, возвышались крепости и сторожевые башни. Цинандали находилось в восьми милях от Телави. От Тифлиса до Цинандали можно было добраться на арбах в два дня.

Двухэтажный белый дом князя Чавчавадзе был расположен на одной из окраин села, в зелени садов и виноградников. Обширный двор с жилыми помещениями для прислуги, крепостных крестьян, с амбарами, винными погребами, конюшнями был ограждён живой изгородью. С приездом княжеских семейств дом наполнился шумом голосов, детского смеха, суеты

прислуги и дворовых. Только одна Варвара, вся в чёрном, молодая, стройная вдова, с крупными чертами выразительного лица, постоянно уединялась в печали и скорби. Анна Ильинична, среднего роста брюнетка, склонная к полноте, целый день хлопотала по дому, отдавая распоряжения то прислуге, то поварам, то дворне. Миленькая, пухленькая, подвижная мадам Дрансе занималась с Саломеей – старшей дочерью княгини Анны.

Когда слух о намерении горцев напасть на Телавский уезд дошёл до княжеского имения, Анна забеспокоилась. Но управляющий имением успокоил княгиню, сказав, что уровень реки поднялся так, что если разбойничьи шайки появятся, то перебраться на этот берег не смогут, а переправы здесь всегда охраняемы. В тот же день после завтрака от князя Давида приехал нарочный с письмом. Чавчавадзе писал: «Не беспокойтесь и не вздумайте возвращаться в город, нет оснований для тревоги. Я дня через два буду дома».

А в обед от начальника Телавского уезда явился человек, который сказал: «Переезжайте в Телави срочно, оставаться в Цинандали небезопасно». Княгиня Анна показала курьеру письмо мужа, но на всякий случай отправила в Телави кучера и лакея, чтобы узнать подробнее о положении дел. К вечеру кучер и лакей возвратились в Цинандали с шестиконной упряжкой почтовых лошадей и десятью конвоирами телавского ополчения. Но княгиня Анна ответила:

– Я не могу выехать с семьёй без ведома и согласия мужа.

Рано утром горничная, разбудив княгиню Анну, в испуге сообщила:

– Дворовые вместе с крепостными разбежались ночью, и в селении почти никого не осталось. Что будем делать?

– Ничего, пусть прячут свои шкуры эти жалкие трусы, я верю только своему мужу и никуда не уеду, – спокойно ответила Анна.

Она встала, наспех оделась и вышла на балкон. Её глазам представился противоположный берег Алазани. Вдоль всей кордонной линии горели костры, сустились пешие, гарцевали конные горцы. Но княгиня Анна знала, что горцы никогда не пересекали Алазани и не спускались к низинам Грузии. Только по рассказам стариков она знала, что в начале века аварский нуцал Омар-хан с двадцатитысячным отрядом, сделав набег, чуть не дошёл до Тифлиса. С тех пор подвергались набегам лишь форты, расположенные по ту сторону реки.

Анна на всякий случай приказала нескольким слугам забраться на крышу и вести наблюдение за тем берегом.

В то же время к ней явился управляющий имением вместе с сельским старостой. Управляющий посоветовал княгине:

– Госпожа, мне кажется, лучше будет, если вы со всем семейством укроетесь в лесу. Не дай Бог, но беда может неожиданно нагрянуть.

– Нет, не могу я решиться сама и позволить родным и близким искать убежища в лесах, где прячется теперь трусливый сброд. Вот письмо мужа – он не рядовой воин, знает лучше других о положении дел.

День был жаркий. Анна после возвращения из церкви улеглась спать. Варвара прогуливалась по саду, когда к ней подошёл сосед-крестьянин и стал рассказывать:

– Говорят, отряд лезгин хотел перейти реку вброд, но был отбит милицией.

– Слава богу, – перекрестясь, сказала Варвара и продолжала гулять, не придав значения сообщению.

Вскоре в княжеский двор вбежал перепуганный сельчанин, говоря:

– Спасайтесь, пока не поздно! Я только что купался в реке, меня с той стороны обстреляли, я едва успел спастись бегством.

Он пошёл на дворовую кухню, лёг на пол и уснул.

– Этот Шалико – пьяница и брехун, не верьте ему, – сказала старая служанка, успокаивая Варвару.

Однако в обед наблюдавшие с крыши за левым берегом реки напугали княгиню Анну:

– Скопище горцев на том берегу не только не уменьшается, но даже увеличивается с каждым часом. Кроме того, слышны выстрелы и со стороны Шилды, там поднимаются дым.

Княгиня Анна приказала позвать старосту. Когда сельский староста предстал перед ней, Анна распорядилась поставить стражу в саду и во дворе. Староста развёл руками:

– Нет свободных людей. Ещё вчера забрал к себе уездный начальник всех, кто может вооружиться.

– А где братья моего мужа? – спросила Анна.

Братья Давида – князя Гулбат и Роман – жили на другой окраине Цинандали.

– И Гулбат, и Роман утром убежали в лес с семьями, – ответил староста.

– Они подумали только о себе! Но ничего, мой муж поговорит с ними! – воскликнула с раздражением Анна и добавила: – А нас сохранит Господь.

В сумерках прислуга, наблюдавшая за окрестностью с крыши дома, увидела человека, бегущего со стороны реки к имению. Кучер спустился с крыши, открыл калитку, чтобы узнать, кто и зачем спешит к дому князя Чавчавадзе.

– Я духанщик из Сигнаха. Меня зовут Шакро. Мне едва удалось избежать плена этих проклятых разбойников. С трудом переплыв реку возле Тогжини, преследуемый пулями косматых чертей, я бежал и теперь прошу ночлега.

Неизвестный чисто говорил по-грузински. Вид его был испуганный, одежда мокрой. Кучер доложил хозяйке о нём.

– Ну что ж, дайте сухую одежду, накормите, уложите на кухне.

– А почему он с ружьём? – спросила старая служанка, когда кучер ввёл на кухню пришельца.

– А кто в такое время осмелится выйти безоружным? – ответил кучер, устраивая гостя.

Оставив пришельца, кучер вновь поднялся на крышу дома, а старая служанка продолжала наблюдать за неизвестным, который показался ей человеком подозрительным. Шалико, разбуженный вошедшими, поднялся, сел и, часто мигая отёчными веками, стал спрашивать пришельца о телавских и сигналахских новостях.

Неизвестный отвечал, что там всё спокойно, горцев нет и что начальники уездов собирают ополчение, чтобы идти сюда и отогнать разбойников. Говоря это, человек, зарядив ружьё, поставил его у стены и в свою очередь стал спрашивать у Шалико:

– Кто из цинандалских князей-братьев богаче – Гулбат, Роман или Давид?

– Давид богаче, – ответил Шалико.

– Что-то мне не хочется спать, похожу немного, – сказал неизвестный, поднимаясь. Взяв ружьё, он вышел во двор. На дворе уже было почти темно.

Старая служанка, неотступно следившая за неизвестным, быстро поднялась наверх и сообщила княгине Анне о поведении и разговоре неизвестного с Шалико, добавив, что гость – человек явно подозрительный.

– Позови управляющего, – распорядилась Анна.

Управляющий именем отставной шатбс-капитан Ахвердов тотчас явился в полном вооружении, с пистолетом в руке.

– Я боюсь здесь оставаться на ночь, может быть, лучше всем сесть на коней и уехать?

– Думаю, не стоит на ночь глядя, тем более что и я получил записку от князя Давида, в которой он пишет, что всё благополучно, не беспокойтесь.

– Дайте письмо.

Управляющий протянул свёрнутый листок бумаги. Анна быстро пробежала глазами по строкам, перекрестилась и, сказав: «Слава Богу», вернула записку управляющему.

– Всё же на всякий случай вооружите всех оставшихся мужчин и будьте настороже.

«Вооружённая охрана» после сытного ужина с вином, видя, что странник сладко посапывает на полу кухни, оставила молодого лакея на страже и уснула. Стражник покинул пост у калитки, укрылся с молодой служанкой в саду, где вздремнул перед рассветом в обнимку с газонной травой на мягкой траве.

Чуть брезжил рассвет. Вдруг, нарушив предутреннюю тишину, во дворе раздался выстрел. Управляющий, который не раздеваясь прилег на тахту, вскочил, схватил пистолет и бросился к людской. Он заметил тень, мелькнувшую за деревьями у забора. Вбежав на кухню, управляющий не нашёл подозрительного гостя.

Анна, вскочив с постели, кинулась к окну. В предрассветных сумерках она увидела какое-то движение в улочках села. В доме все проснулись, в испуге стали одеваться. Анна успокаивала их, говоря, что вечером от Давида прискакал гонец с письмом к управляющему, где сказано: «Не беспокойтесь, всё благополучно». Старая тётушка Тания, которая в страхе отбивала перед образами земные поклоны, поднялась с колен и тоже стала всех успокаивать.

Анна вышла на балкон, стала всматриваться в даль, где, так же как вчера, пылали костры. Предрассветную тишину нарушали протяжным плачем шакалы. Где-то близко раздался крик совы. Не к добру. «Сохрани и помилуй, Боже», – прошептала Анна, обращая взоры к посветлевшему небу, где, словно кривое лезвие турецкого кинжала, сиял полумесяц. Анна склонила голову на грудь, утирая накатившуюся слезу. Вдруг она увидела высокого человека с ружьём через плечо, который, словно кошка, крадучись, пересёк двор и скрылся за деревьями. Сердце княгини дрогнуло, но она взяла себя в руки, спокойно прошла в детскую. Четырёхлетняя дочь Тамара, двухлетний сын Александр, четырёхмесячная Лидия и семимесячный Георгий, сын Варвары, спали безмятежным сном. Только обе нянюшки, стоя на коленях перед иконками над детскими кроватками, молились.

Будите детей, – шёпотом сказала княгиня и, едва удерживая слёзы, поспешила уйти из детской.

Мадам Дрансе, разодетая, накрашенная, напудренная, со старшей девочкой встретила хозяйку в дверях детской. Сохраняя спокойствие, она сделала реверанс госпоже и как бы между прочим спросила по-французски:

– Мы останемся или готовиться к отъезду?

– Пока ничего не могу сказать, – ответила Анна.

Несмотря на то, что старая служанка сообщила княгине, что и последняя стража сбежала со двора, Анна распорядилась приготовить чай, а сама спокойно спустилась вниз и стала укладывать вещи, часто поглядывая на противоположный берег Алазани. До восхода солнца все были одеты и находились в столовой. Старая служанка и няня подали чай.

В семь утра за домом послышался топот копыт и скрип колёс. Через несколько минут вошёл управляющий с докладом, что почтовые кареты, возвращённые накануне в Телави, опять прибыли с распоряжением начальника уезда немедленно выезжать.

Теперь Анна не стала противиться. Она видела, что в селении и в доме почти никого не осталось, кроме них. Кучеры стали выносить и укладывать вещи на подводы и в карету. Не успели господа усесться в карету, как из сада выбежал управляющий с бледным лицом, трясущимися руками и, не говоря ничего, быстро вскарабкался на огромный старый каштан, который рос возле ворот. За оградой сада и со стороны улицы вновь послышался топот копыт и шум бегущих людей.

– Наверх! – крикнула Анна женщинам и детям, которые выходили из дома.

Перепуганные дети с плачем бросились к лестнице и стали подниматься. За ними последовала и Анна. Все собрались в комнате, ведущей в бельведер. Служанка опустила дверь надлестничного хода и замкнула задвижку.

Мюриды окружили усадьбу Первыми во двор выскочили смельчаки. Озираясь по сторонам, одни осторожно направились к дому другие, широко распахнув ворота, подошли к подводам и арбам с конной и бычьей упряжкой. Сундуки, плетеные корзины, саквояжи и хурджины были вскрыты. Глазам мюридов представились драгоценности из золота, серебра, бронзы. Связанные и сложенные тюками ковры, бархатные скатерти, одеяла засияли пестротой восточных рисунков и красок. Ни одного выстрела, никакого сопротивления. Из подвод выпрягли быков и коней. Добро навьючили на своих коней. Шум осмелевших налётчиков, гортанные звуки аварских и чеченских наречий, крики и торжествующий смех господствовали в тихом княжеском доме.

А наверху в просторном уютном зале замерли в страхе женщины и дети, прижимаясь друг к другу и с ужасом прислушиваясь к грохоту и шуму, доносившемуся снизу. Из комнат первого этажа донёсся звук ломаемой мебели, звон посуды, быстрые шаги торопливо орудовавших горцев. Но вот послышался топот шагов избегающих наверх, скрип лестницы, треск надлестничной двери, в которую с силой упирались плечами злые гости. Задвижка поддавалась натиску. Дверь с шумом распахнулась. Несколько косматых папах, из-под которых смотрели на перепуганных женщин горящие азартом глаза, появились в застекленной веранде. Затем мелькнули руки с оголёнными лезвиями кинжалов. Увидев их, дети подняли крик Дрожа, хватаясь цепкими ручонками за длинные платья матерей и нянь, они искали возле них спасения.

Чернобородые пришельцы, поднявшись на веранду, стали у двери в нерешительности. Княгиня Анна, передав грудного ребёнка няне, шагнула вперёд и стала перед остальными, как бы желая защитить их собой. Старая княгиня Тания стала рядом с ней и, скинув чёрную шаль с седых волос, кинула её под ноги. Женщина знала, что этот знак остановит самую дикую толпу горцев от порыва злых намерений. Мюриды стояли несколько минут, удивлённо разглядывая женщин и детей в необыкновенных по красоте нарядах. Они вложили лезвия в ножны – в знак того, что не намерены совершить убийство. Широкоплечий мюрид с чалмой на папахе что-то сказал остальным и, подойдя к мадам Дрансе, взял её за руку. Француженка завопила, но горец посмотрел на неё таким взглядом, после которого она, как покорная овца на верёвке, последовала за ним. Другой мюрид обратился к женщинам по-грузински:

– Без сопротивления вместе с детьми следуйте вниз и делайте то, что вам прикажут.

Женщины, взяв на руки малых, спустились по лестнице во двор, где их усадили на лошадей и отправили в сопровождении вооружённых горцев на левый берег Алазани, затем через Яйлаги на гору Пахали. В лагере было большое количество раненых и ослабевших аскеров имама, несколько сотен пленных грузин – в основном крепостных крестьян, детей, огромное количество мелкого и крупного рогатого скота, табуны лошадей и большие тюки награбленного добра.

Когда княжеские семьи прибыли на Пахальское плато, пленные грузинские крестьяне бросились к ним со слезами и словами сочувствия. Шамиля в лагере не было. Отправив связного с приказом к Гази-Магомеду и Даниель-беку не задерживаться внизу, Шамиль с отрядом мур-тазагетов и приближенных вернулся в Анцух, приказав отправить следом всё, что взято во время набегов.

Утром в сторону Анцуха с высот Пахали двинулся караван с трофеями и пленниками.

Даниель-бек хотел взять Кварели. Оставив Гази-Магомеда на Телавском участке, бывший элисуйский султан направился к Кварельской крепости. Его встретили огнём орудий. Он окружил укрепление, но на штурм не решился. После обеда к Даниель-беку вернулась разведка и доложила, что к Кварели идут части регулярных войск и ополчения. Только Даниель-бек успел повернуться к тылу, как из-за холма показался отряд казачьих сотен и милиции с двумя орудиями. Завязалась схватка. Осаждённый гарнизон кварельского укрепления, увидев своих, решился на вылазку, чтобы, ударив по тылам мюридов, соединиться со своими. Но неожиданно для них со стороны лесистого ущелья двинулась пехота, оставленная Даниель-беком. Гарнизон быстро вернулся в укрепление и заперся. Отряд русских и грузин, пришедший на выручку, вынужден был отойти к правому флангу на господствующий холм, поросший лесом. Даниель, соединяясь со своей пехотой, отошёл к ущелью.

Разграбив полтора десятка грузинских сёл, Гази-Магомед перебросил свои силы на левый берег и, соединившись с Даниель-беком, через Пахали двинулся на Анцухо-Капучинскую крепость.

Когда Давиду Чавчавадзе сообщили о нападении горцев на Цинандали, он тут же, вскочив в седло, поскакал к своему имению и, увидев облака дыма и языки огня над своим домом, в ужасе застыл. Ему не хотелось мириться с мыслью, что семья и родственники уничтожены или взяты в плен, как сотни других его соотечественников. Надеясь на милость Господню, он думал, что родные успели выехать или укрыться в лесах. Но человек с того берега на его вопрос «Что случилось с княжеским семейством?» – ответил: «Их тоже угнали в горы».

Чавчавадзе бросился к ущелью, но его остановил отряд казаков и милиции, который шёл от Кварели в горы.

На вершине и у подножия Анцуха раскинулся огромный лагерь войск имама с бесчисленным количеством скота, с множеством пленных. Шамиль, когда прибыли Гази-Магомед и Даниель-бек со своими отрядами, собрал всех наибов, советников и влиятельных лиц:

– То, что сделано, было целью нашего похода. Цель мне пришлось скрыть потому, что некоторые люди, пользуясь моим доверием и не в силах удержать болтливые языки, выдают тайны тем, кому не следует их выдавать. Задуманное нами из-за этого становится достоянием наших врагов.

Когда имаму доложили о количестве пленных по сословному делению, он сказал:

– Людей знатного рода и дворянского происхождения отделите от остальных, доставьте в Новое Дарго, не унижая достоинства. За каждого из них мы потребуем вернуть аманатов или плененных когда-либо мусульман. Рабов по справедливости разделите между наибами, их помощниками и учёными. Все драгоценности и прочее добро, взяв на учёт, в полной сохранности доставить в Ведено, там строго по закону разделите на положенные доли. А ты, – Шамиль обратился к Даниель-беку, – поскольку владеешь грузинским, русским и прочими языками, пойдти к тем, кто назван дворянами и азнаварами, уточни их имена, род, положение в обществе, а также имена глав семейств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.